

к. л. тейлор

крушение

DETECTIVE
STORY

Впервые на русском языке бестселлер
от восходящей звезды детективного жанра.
В Великобритании продано
более 190 тысяч экземпляров книги

18+

К. Л. Тейлор
Крушение
Серия «Мировой бестселлер. Detective»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17086733
Тейлор, К. Л. Крушение: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85146-1

Аннотация

Отвечают ли дети за грехи родителей? Увы, нередко именно так и случается. Когда Шарлотта пытается покончить с собой под колесами автобуса, ее мать Сьюзан погружается в паранойю. День и ночь она мучительно старается понять, почему ее девочка захотела уйти из жизни и кто в этом виноват. Ей кажется, что даже самые близкие люди что-то скрывают. Сьюзан начинает расследование и постепенно понимает: причина трагедии ближе, чем ей кажется, и искать ее надо в собственном прошлом, потому что все тайное рано или поздно становится явным.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

К.Л. Тейлор

Крушение

Из всех свобод самая ценная – свобода мысли.
Айрис Мердок

C. L. Taylor
The Accident
Copyright © C. L. Taylor, 2014
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Literary,
TV&Film Agency and
The Van Lear Agency LLC
© Качалкина Ю., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Глава 1

22 апреля 2012

Кома. Такое безобидное слово, оно успокаивает, наколдovывая образ беззаботного глубокого сна. Но только моя дочь Шарлотта не спит. Ее веки, сомкнутые тяжело, не вздрогнут случайно, – она даже кулачок под щеку не подложит, как делает обычно. Губы слегка приоткрыты, но дыхания не слышно, оно едва ощутимо. И в том, как она лежит, нет ничего умиротворяющего: тело ничком на кровати без одеяла, изо рта торчит прозрачная пластиковая трубка, а вся грудь утыкана какими-то датчиками и электродами.

Монитор в углу палаты, который показывает биение сердца Шарлотты, ритмично пищит, словно это особенный медицинский метроном. Я закрываю глаза. Стоит получше сконцентрироваться, и вот вместо писка монитора я слышу мерное тиканье дедушкиных часов в нашей гостиной. Пятнадцать лет словно улетучиваются как по мановению волшебной палочки. Мне снова двадцать восемь, я укачиваю маленькую Шарлотту. Ее сонное личико уткнулось в ямку на моей ключице, а крошечное сердце бьется не совсем в такт с моим, даже во сне. В ту пору было проще беречь Шарлотту...

– Сью? – На мое плечо ложится тяжелая рука, трясет меня, возвращая обратно в реальность больничной палаты, и руки мои снова пусты, в них уже не лежит маленькая Шарлотта. Я прижимаю к груди ее покрытый наклейками дневник. – Будешь чай?

Я отрицательно качаю головой, но тут же передумываю, соглашаясь.

– Буду.

Открываю глаза.

– И, знаешь, что еще было бы хорошо?

Брайан, естественно, не знает.

– Съесть один из тех прелестных кексов от «Маркс и Спенсер».

Муж выглядит растерянным.

– Не уверен, – говорит он после паузы, – что их можно купить в здешней столовой.

– Ну... – я отворачиваюсь и притворяюсь расстроенной, но по-настоящему я себя ненавижу. Не в моих правилах кем-то манипулировать. Да разве я манипулирую? Просто теперь, в этот момент, я ни в чем не уверена на все сто процентов.

– Хорошо, все в порядке, – снова рука мужа на моем плече, теперь он слегка сжимает его, чтобы усилить эффект сопереживания, – я могу заскочить в город и привезти тебе кекс.

Брайан смотрит на Шарлотту и улыбается.

– Шарлотта, не возражаешь, если я ненадолго оставлю тебя с мамой?

Даже если наша дочь слышала его вопрос, то никак не прореагировала. Так что я ответила ему за нас двоих, выдавив из себя улыбку.

– С ней и со мной все будет в порядке.

Брайан смотрит на меня и на Шарлотту. Вне всякого сомнения на его лице – то же несчастное выражение, которое было и на моем последние шесть месяцев, когда я боялась отойти от нее на секунду, думая, что именно в этот момент с ней случится что-то страшное.

– Все будет в порядке, – повторяю я, на сей раз мягче. – Я побуду тут.

Брайан слегка расслабляется и кивает.

– Я скоро вернусь.

Я наблюдаю, как он пересекает палату, аккуратно прикрывает дверь до щелчка и выходит, отрываю от груди дневник, кладу его на колени, несколько секунд внимательно слежу за

дверью, кажется, что проходит вечность. Брайан никогда не уходит сразу, обычно в спешке забегает еще раз, чтобы взять забытые ключи, телефон, солнцезащитные очки или просто что-нибудь спросить. Я уверилась, что он действительно ушел, и переключаюсь на Шарлотту. В глубине души я надеюсь, что ее веки наконец дрогнут или пальцы инстинктивно дернутся. Пусть она подаст хоть маленький знак, что идет на поправку, но нет, никаких перемен... она все еще спит...

– Дорогая, – я верчу в руках ее дневник, открываю на странице, которую уже читала. – Пожалуйста, не сердись на меня, но... – смотрю на лицо дочери, пытаюсь прочесть по нему реакцию, – я нашла его вчера, когда убирала твою комнату.

В ответ – ничего. Ни звука, ни пожатия, ни подмигивания. Монитор, на котором видна работа сердца, продолжает ритмично пищать. Конечно, я соврала про дневник. На самом деле я нашла его несколько лет назад, когда меняла постельное белье в ее комнате. Шарлотта спрятала его под матрасом, точно там же, где я прятала свой дневник в ее возрасте. Но найдя, я его не читала. Только вчера открыла и прочла.

– В последней записи, – я задержалась, чтобы облизнуть губы, вдруг пересохло во рту, – ты упоминаешь о каком-то секрете.

Шарлотта лежит и молчит.

– Ты пишешь, что хранить его тяжело, что он тебя убивает.

Пик, пик, пик – пищит аппарат.

– Ты поэтому...

Пик, пик, пик...

– ...ты поэтому шагнула навстречу автобусу?

Ни звука. Брайан называет произошедшее несчастным случаем и уже подогнал под свою теорию несколько убедительных доводов.

– Наверное, Шарлотта шла через дорогу и писала кому-то эсэмэс. Или увидела на другой стороне улицы подругу и кинулась к ней, не глядя на машины... или заметила раненое животное, которому нужна была помощь... побежала, или была в своем маленьком мире, ничего не заметила...

Правдоподобно звучат все варианты. Если не брать во внимание то, что водитель автобуса сказал полиции: девочка шагнула под колеса, глядя ему в глаза, совершенно осознанно. Брайан уверен, что водитель врет, потому что хочет обелить себя в глазах начальства. Мужчина боится потерять работу, когда его обвинят в неаккуратном вождении. Но я водителю почему-то верю.

Вчера, пока муж был на работе, я сидела у кровати Шарлотты и спросила у врача, провел ли он тест на беременность моей дочери. Врач посмотрел на меня с подозрением и поинтересовался, почему я спрашиваю об этом и есть ли на то серьезные основания? Я, честно говоря, ни в чем не была уверена, но этот тест мог бы прояснить некоторые обстоятельства. Врач проверил записи, тест на беременность не делали.

– Шарлотта, – я придвинулась к ее кровати, взяла дочь за руку, наши пальцы сплелись. – Что бы ты ни сказала, что бы ни сделала, я никогда не перестану любить тебя. Можешь сказать мне что угодно. Совершенно что угодно.

Но Шарлотта ничего не сказала.

– Я пойму, если это был кто-то из твоих друзей, если это был даже твой отец, – я выдерживаю паузу, – это отец, да? В нем твой секрет? Сожми мои пальцы, если я права.

Я задержала дыхание в груди, молясь, чтобы Шарлотта не сжала мне руку...

* * *

Пятница, 2 сентября 1990

На часах 5:41, я сижу в гостиной с бокалом красного вина и сигаретой. Недоумеваю по поводу того, что последние восемь часов действительно были в моей жизни.

Вечером в среду я наконец-то решилась позвонить Джеймсу, после целого часа безуспешных попыток и нескольких бокалов вина. В трубке шли гудки, и я было решила, что он куда-то вышел, как вдруг Джеймс ответил.

– Слушаю.

Я могла бы просто сказать «привет», но очень уж нервничала.

– Сьюзан, это ведь ты? Слава богам, ты наконец позвонила.

Его голос звучал немного иначе, чем всегда, – тоньше, с придыханием, – словно он тоже нервничал, и я пошутила, что теперь ему явно легче, раз я позвонила первой.

– Вне всяких сомнений, – ответил Джеймс. – Я думал, что ты не захочешь меня слышать после произошедшего. Прости, я обычно не такой урод, как тогда, когда затащил тебя за кулисы и... надо было просто пригласить тебя куда-нибудь поужинать, как приглашают девушку...

И он затих, потрясенный.

– Вообще-то, – я почувствовала к нему внезапную симпатию, – это было даже смешно, мне еще никто не бросал визитку со словами «Позвони!», так что я была польщена.

– Польщена? Это я должен быть польщен. И ты мне позвонила, о боги! – Он помолчал. – Ты же звонишь, чтобы пригласить меня выпить? А не для того, чтобы сказать, что я высокомерный задрот, которого стоит побить говенной палкой. Разделишь со мной пару бокалов вина?

– Вариант с палкой я пока не рассматривала, – отшутилась я. – И сегодня я действительно не прочь выпить, так что если ты (я напирала на «ты») пригласишь меня куда-нибудь, я с удовольствием приму приглашение.

– Ну конечно же! Куда бы ты ни захотела пойти – я приглашаю. Вся выпивка за мой счет, даже самая дорогая. – Он засмеялся. – Я хочу тебе доказать, что я не... впрочем, хочу, чтобы ты сама сделала нужные выводы. Так когда ты будешь готова?

Я было хотела сказать, что уже давно готова, но притормозила, как учила меня Хеллс, и предложила встретиться в пятницу (пятница, впрочем, была сегодня). Джеймс немедленно согласился и через пару минут, после того как мы договорились встретиться в Дублинском замке в восемь вечера, повесил трубку.

Я перемерила дюжину разных нарядов, прежде чем пойти на это свидание. Я безжалостно отвергала все, в чем выглядела или чувствовала себя полной и непривлекательной, но на самом деле мне не стоило беспокоиться. В ту минуту, когда я оказалась на расстоянии объятия от Джеймса, он сграбастал меня в охапку и прошептал на ухо: «Выглядишь потрясающе!». Только я собралась ответить что-нибудь, как он резко отстранился, взял меня за руку и проговорил:

– Я хочу показать что-то очень особенное.

И увлек меня прочь из ресторана, сквозь толпу гуляк из Камдена, по улице к магазину, в котором продавались кебабы. Я вопросительно на него посмотрела, но он коротко сказал: «Доверься мне», – и повел меня дальше через магазин. Мы вышли в заднюю дверь. Я думала, что там будет туалет или кухня, но вместо этого мы оказались в средоточии звуков, а

глаза наши ослепли от внезапной тьмы. Джеймс указал на джаз-бэнд из четырех человек, которые играли в углу комнаты, и крикнул: «Это Грей Ноутс, самый лучший секретный бэнд Лондона!» Потом он провел меня к угловому столику и отодвинул побитый временем деревянный стул, приглашая сесть.

– Виски? – он предложил выпить. – Не могу без этого слушать джаз. Будешь?

Я кивнула, хотя и не фанат виски, честно говоря. Пока Джеймс ходил к барной стойке, я закурила. В его движениях было столько самоуверенности и мужественности, что он меня этим почти гипнотизировал. Впервые я заметила это, когда увидела его на сцене: высокомерный Вальмон рядом с Кейт в роли стервы маркизы де Мертей¹.

Казалось, не рождалось на свете двух более различных мужчин, чем Джеймс и Натан. В то время как Натан был худощавый, с детскими чертами лица, всего на пару дюймов выше меня, в Джеймсе были все шесть футов и четыре дюйма, к тому же в его манерах чувствовалась солидность, что позволяло мне рядом с ним ощущать себя меньше и изящнее, чем я есть.

У него на щеках играли ямочки, как у Кирка Дугласа, но нос – великоват для того, чтобы Джеймса можно было без обиняков назвать классическим красавцем. Его всегда чистые блондинистые волосы, спадающие волной на глаза, довершали картину. Но именно в его глазах была особая магическая ртуть. Они – эти глаза – словно текут и меняются, напоминая мне глаза уже другого актера – Рэйфа Файнса. Одно мгновение они – холодные и независимые, но тут же появляются морщинки-лучики у век, и в этих же глазах уже пляшут бесы.

Стоило Джеймсу вернуться от барной стойки, как я сразу поняла: что-то не так. Он ни словом не обмолвился, но по тому, как он поставил бокалы с виски на стол, как метнул взгляд на сигарету, зажатую в моих пальцах, я все сразу поняла.

– Ты не должна курить.

Он встряхнул головой.

– Мой отец, Сью, умер от рака легких.

Потом Джеймс начал уверять, что на самом деле, конечно, не так важно, курю я или нет, и что это не его дело по большому счету, но я поняла, что нужно выбросить сигарету, – и как только я это сделала, его лицо осветилось. Джаз-бэнд разошелся так, что мы едва слышали друг друга. Джеймс придвинулся ко мне ближе, поэтому мы могли пошептаться. Ногой он поглаживал мою ногу под столом, а на шее и ухе я ощущала его горячее дыхание. Пыткой казалось чувствовать его тело столь близко, вдыхать терпкий аромат его одеколона после бритья и при этом не иметь возможности прикоснуться к нему.

И в тот момент, когда я подумала, что не вынесу этого ни секундой дольше, Джеймс накрыл мою руку своей.

– Пойдем сходим куда-нибудь еще, я знаю совершенно потрясающее место.

У меня едва было мгновение, чтобы сказать «о'кей», потому что, предложив уйти, Джеймс тут же встал и пошел прочь из ресторана. Правда, через секунду он вернулся – в одной руке у него красовалась бутылка шампанского, в другой – два бокала и потертый плед под мышкой. Я удивленно изогнула бровь, но он в ответ лишь засмеялся и сказал: «Ты все увидишь».

Мы шли, вероятно, очень долго, лавируя в толпе праздно шатающихся после рабочей недели, – пока, наконец, не вышли к Чалк-фарм. На очередной вопрос, куда мы идем, Джеймс только рассмеялся. В итоге мы притормозили у входа в парк, Джеймс положил руку на мое

¹ Герои романа «Опасные связи». – Прим. перев.

плечо. Я приготовилась к поцелую, но вместо него Джеймс попросил меня закрыть глаза, потому что «хотел сделать сюрприз».

Признаться, я была не очень уверена, что ранним утром субботы может случиться приятный сюрприз, особенно в темном парке, но глаза все же закрыла. И тут же почувствовала, как на плечи легло что-то тяжелое, шерстяное и приятное колющее тепло окутало меня (Джеймс заметил, что я дрожу, и предложил свой пиджак). Я позволила ему провести себя через ворота, и мы поднялись на небольшой холм. Конечно, мне было боязно довериться кому-то, едва знакомому, но, надо признать, что это волновало меня и пробуждало особую чувственность. Мы наконец остановились, и Джеймс велел мне стоять тихо и ждать. Через пару минут в руку мне ткнулся плед, мы расстелили его и сели.

– Готова? – спросил Джеймс.

Я почувствовала, как он двигается где-то у меня за спиной. Потом его пальцы пробежали по моему лицу, слегка задевая скулы. Он попросил открыть глаза. Молния скользнула по моему позвоночнику, и я вздрогнула, несмотря на то что была в теплом пиджаке Джеймса.

– Готова, – ответила я.

Джеймс убрал руки с моего лица, и я открыла глаза.

– Разве не прекрасный вид? – спросил он.

Все, что я могла сделать, это кивнуть. С холма открывался вид на парк, который сейчас казался шахматной доской: квадраты освещенной фонарями травы чередовались с квадратами темноты. На наших глазах свершалась таинственная игра теней и света. А за границей парка простирался город, мигали огни окон, светились здания, а у самого горизонта горела радуга знаменитого колеса обозрения, одного из самых огромных в мире.

Небо над нами напоминало тихое темное море, пересеченное волнами оранжевого света. И все вместе представляло собой лучший пейзаж из тех, которые я когда-либо видела.

– Когда ты открыла глаза, твое лицо, Сьюзан... – Джеймс пялился на меня, – я никогда не видел ничего прекраснее твоего лица.

– Перестань... – я хотела превратить его слова в шутку, но смех застрял в горле.

– Сьюзи, ты выглядела такой молодой, такой восторженной. Словно маленькая девочка на Рождество. – Он потряс головой. – Как же может быть так, что ты одна? Что у тебя никого нет? Как вообще это может быть?

Я хотела ответить, но Джеймс еще не закончил.

– Ты – самая потрясающая женщина, которую я когда-либо встречал, – Джеймс коснулся моей руки, – ты забавная, добрая, умная и красивая. Что же ты делаешь тут со мной?!

Я снова хотела перевести все в шутку – напомнить, что это он, именно он вел меня к этому холму, и, вероятно, так сильно выпил, что уже ничего не помнит. Но я не смогла пошутить. Вместо этого сказала:

– А я хотела быть здесь, с тобой. И нигде больше.

Джеймс просиял так, словно я только что сделала ему лучший на свете комплимент. Он взял в ладони мое смущенное лицо, долго смотрел на меня, а потом поцеловал.

Не могу сказать, сколько именно мы целовались, лежа там, на пледе, на холме посреди парка, – наши тела сплелись, руки путешествовали совершенно свободно, мы трогали друг друга, гладили и ласкали. Мы не разделись и не занялись любовью, но это был самый эротичный момент во всей моей жизни. Я ни на секунду не могла отпустить Джеймса от себя.

Между тем темнело и холодало, и я предложила покинуть парк и пойти к нему.

Джеймс, к моему удивлению, отрицательно покачал головой.

– Разреши, я вызову тебе такси, и ты поедешь домой.

– *Но как же...*

Он плотнее закутал меня в свой пиджак.

– *Сьюзи, у нас для всего этого еще будет время, полно времени...*

Глава 2

На следующий день я жду, когда Брайан уйдет на работу, чтобы начать копаться в его вещах. В гардеробной прохладно, пол морозит мои босые ступни, в окна поддувает, но я не трачу ни секунды на то, чтобы найти носки. Вместо этого я забираюсь в карманы пиджака мужа, его любимого пиджака. Этот пиджак мой вспыльчивый супруг носит в любую погоду, постоянно уверяя в том, что он ничуть не хуже, чем аналогичный, скажем, из Барбур². Хотя это прекрасный пиджак, но он явно промокает: я сужу по мокрым пятнам, которые появляются на рубашке Брайана, когда он попадает под дождь.

Вешалка чуть покачивается, пока я перебираюсь рукой из кармана в карман, вынимая содержимое и поспешно выкладывая его на пол.

Я ищу улику.

С пиджаком я наконец покончила, и вот уже изучаю – обеими руками – карманы толстовки. Как вдруг на кухне раздается грохот.

Я холодею с головы до пят.

В голове все как будто отключается, словно кто-то нажал на рубильник, и я превращаюсь в неподвижную статую, напоминая себе вешалку, возле которой стою. Стараюсь дышать неглубоко, прислушиваюсь, жду. Понятно, что я должна отмереть и что-то сделать. Например, вынуть руки из карманов одежды Брайана. И затолкать обратно их содержимое, которое я еще не успела изучить, – спрятать свидетельство того, какая я недоверчивая жена, ужасная женщина, способная подозревать супруга в страшном.

Но я не могла пошевелиться.

Сердце бьется на разрыв, кажется, что каждый его удар эхом разносится по комнате, и меня словно отбрасывает на двадцать лет в прошлое. Мне двадцать три, я живу на севере Лондона, но именно в этот конкретный момент я прячусь в гардеробе. Мой рюкзак забит вещами, я держу его в левой руке, а в правой у меня зажата связка ключей, которую я украла у кое-кого из кармана. Если я задержу дыхание, то он меня не услышит. И он не узнает, что я собираюсь...

Ощущение дежавю покидает меня.

– Брайан? – спрашиваю я уже спокойно. – Брайан, это ты?

Я хмурюсь, пытаюсь успокоиться, но сердце ритмично скачет в груди, а дом снова затих, словно и не было никакого шума в кухне.

– Брайан?

Ну вот я и вернулась в настоящее. Я наконец вынула руки из карманов мужниной толстовки.

Ковер в холле согревает ноги и проседает под тяжестью моих медленных шагов, а я крадусь, затихая почти каждые две секунды, чтобы прислушаться, не донесется ли снова из кухни какой-нибудь звук. Я инстинктивно прикрываю рот, чувствую, как от пальцев все еще пахнет дезинфицирующим гелем, – я не так давно мыла ванную. Снова замираю и пытаюсь унять дыхание. Но получается дышать только маленькими порциями, горло обжигает, видимо, приближается паническая атака. Но я уже не боюсь того, что мой муж вернется за забытым портфелем или ключами. Я боюсь совсем другого...

– Милли! Ах это ты!

Меня практически сбивает с ног огромный золотистый ретривер. Собака скачет по холлу и бросается на меня, ставит передние лапы на мою грудь, лижет щеку. В другой раз я

² Фирма Barbour and Sons производит мужскую и женскую одежду с середины XX века.

бы непременно наказала ее за такое поведение, но сейчас я настолько потрясена, что просто обнимаю ее за большущую теплую голову и прижимаю к себе.

– Ну и как ты сюда пробралась, проказница?

Милли словно улыбается мне, слюна капает с ее роскошных усов, шерсть вся мокрая. Кажется, я поняла, как она смогла пробраться в дом.

Я почти уверена в своих подозрениях, когда подхожу к кухне (Милли плетется рядом со мной), а дверь на крыльцо открыта.

– Милли, ты должна лежать на своей подстилке, пока мамочка не придет за тобой, – говорю я довольно строго, указывая ретриверу на половик и кучу разных тряпок, в которых собака спит. Милли явно понимает, о чем я говорю, то поднимая, то опуская уши и зажимая хвост между лап.

– Что, наш рассеянный папочка оставил дверь открытой, когда уходил на работу, да?

Вот уж ни разу о себе не могла подумать, что превращусь в тот тип женщин, которые себя и своих мужей зовут «мамочками» и «папочками», разговаривая с домашними питомцами. Но Милли такой же полноправный член семьи, как и Шарлотта. Она вроде сестры, которую мы уже никогда не родим нашей дочке. И не случайно Брайан зовет Шарлотту «чудо-ребенком». И теперь понятно, это не только по той причине, что наша дочка пережила при рождении бактериальную инфекцию.

...выгоняю Милли обратно на крыльцо. Сердце чуть не разрывается, когда собака смотрит на меня умоляющим взглядом, у нее такие огромные карие глаза...

На часах восемь. Мы в это время должны прогуливаться по парку позади дома, но мне надо завершить начатое. Нужно вернуться в гардероб.

Вот и содержимое карманов Брайана. Лежит разбросанное у подножия вешалки. Стоило захватить подушку из гостиной, чтобы не вставать коленями на пол (колени хрустят, словно угадывая ход моих мыслей). Вот мои сокровища, пора изучить их:

– носовой платок, в уголке вышит гольфист, платок не использовали, он аккуратно сложен квадратиком (эту вещь ему подарили на Рождество – кто-то из детей);

– три использованные бумажные салфетки;

– бечевка – такую Брайан использовал, чтобы подвязывать томаты, растущие на его небольшом загородном участке;

– мятый билет в кино. Сердце мое начинает дико биться, как только я беру в руки этот комочек. Но когда рассматриваю название фильма и дату сеанса, пульс выравнивается. На эту комедию мы ходили вместе. И мне она не понравилась – показалась грубой, дешевой и непродуманной. Но Брайан хохотал до икоты;

– чек за бензин на 40 фунтов;

– какая-то мятная, судя по запаху, конфета, покрытая пылью;

– пригоршня мелочи.

Вот и все. Ничего странного, ничего такого, что навело бы меня хоть на какую-то догадку. Просто обычная ерунда, которую муж таскает в карманах.

Кромкой ладони я собираю все это в кучку, распределяю обратно по карманам в том же порядке, который был. Вообще-то Брайан не очень внимательный и вряд ли обратит внимание, что что-то лежит не в том кармане, но лучше не рисковать.

Возможно, мои подозрения излишни и нет никаких улик.

И Шарлотта не пожалала мою руку, когда я спросила, связан ли ее большой секрет с отцом. Не знаю, что бы я думала, если бы она пожалала мои пальцы, ведь даже задать тот вопрос было очень непросто. Я следовала своему подозрению и думала, что муж снова меня обманывает.

Шесть лет назад Брайан оступился и едва не разрушил не только наш брак, но и карьеру. Он закрутил роман с двадцатитрехлетней практиканткой, которая пришла к ним в

парламент. Когда я узнала, то пришла в ярость – кричала, буквально орала. Два месяца я отказывалась жить с Брайаном под одной крышей, но в итоге... простила его. Почему? Во-первых, потому что его измена случилась как раз после одного из моих так называемых приступов. Во-вторых, потому что семья для меня важнее всего на свете. И в-третьих, потому что Брайан – очень хороший человек, хоть и не без греха.

Хороший человек... звучит не очень убедительно в качестве причины для прощения. Возможно и так. Но в любом случае жить после измены с Брайаном все равно лучше, чем жить с каким-нибудь ужасным человеком, а уж я-то знаю, о чем говорю...

Летом 1993 года мы оба жили в Афинах. Я работала учителем, а он был вдовым бизнесменом на пороге заключения выгодной сделки. Когда Брайан впервые со мной поздоровался – в милой таверне на берегу реки под названием Кифиссос, – я его просто не заметила. Потом я села за столик. И тут уж он не позволил мне его и дальше игнорировать. Он прислал мне напиток с официантом – в знак особого внимания. В записке, сопровождавшей напиток, были забавные слова: «Привет одному англичанину от другого!».

Когда я посмотрела на него, он уже выходил из таверны.

Я не могла удержаться от улыбки.

После этого он проявлял крайнюю настойчивость: постоянно здоровался, интересовался, что я такое читаю. И в конце концов мы подружились. Мне понадобилось много времени, чтобы ослабить защиту и впустить этого человека в свой мир. Прошел почти год со дня нашего знакомства, и я сказала себе, что люблю Брайана.

Стоял теплый очаровательный вечер, мы бродили вдоль речного берега, смотрели, как в воде отражаются огни близкого города, как вдруг Брайан начал рассказывать мне про Тессу, его жену, которую он потерял в неравной борьбе с раком. Он рассказал, в каком потрясении находился, когда видел, как быстро развивается болезнь, – а потом какая ярость охватила его после ее смерти. Он оставил сына с бабушкой, разбил собственную машину клюшкой для крикета, потому что не понимал, как ему справиться с чудовищной яростью. Его глаза наполнились слезами, когда он рассказывал мне о своем сыне Оливере, о том, как скучал по нему, оставленному у бабушки и дедушки в Англии (иначе Брайан не смог бы уехать по делам в Грецию). Он не пытался вытереть слезы, и я провела пальцами по его лицу, смахивая горькую влагу, а потом я взяла его за руку. И не отпускала часа три.

...я вошла в кабинет Брайана и выдвинула ящик его стола, теперь по-настоящему чувствуя, что зашла слишком далеко. Я обычно стираю вещи мужа, глажу их, некоторые из них покупаю сама, но вот его кабинет... все, что связано с его карьерой, отделено от семьи, мы не имеем туда доступа. Брайан – член парламента, и когда я говорю об этом вслух, то наполняюсь гордостью. Но это не всегда было так. Семнадцать лет назад я была ошеломлена, когда слышала, как Брайан ругает «сволочных тори», «классовых врагов» и их «разваливающую службу здравоохранения». Брайану было мало тихо ныть в стороне, видя существующие социальные проблемы. Когда он вернулся в Англию из Греции, все еще исполненный радости от нашего импровизированного босоногого бракосочетания на пляже Родоса, то был настроен крайне решительно. Мы поселились в Брайтоне, и он начал новый бизнес, – сначала работал как проклятый, но когда дело стало приносить ощутимый доход, подался в парламент. У него были не очень большие познания в экономике, но я верила в него и знала, что он своего добьется. И Брайан добился.

Я никогда не переставала верить в него. Я и сейчас в него верю – во все, что он делает. Но я больше не боюсь за него. Я люблю своего мужа, но в то же время я могу отчетливо видеть, каким тщеславным и сомневающимся в себе сделала его нынешняя работа. Лесть прогрызает путь к сердцу, когда тебе хорошо за сорок, ты носишь дорогое кольцо от Тиффани и лысеешь. Лесть заставляет тебя чувствовать себя моложе, активнее и работает на твое благополучие.

Брайан сильно переменялся с тех пор, как Шарлотта попала в аварию. Мы оба изменились, просто каждый – по-своему. И вместо того чтобы сплотиться в несчастье, мы разбежались по разным углам. И отчуждение между нами росло день ото дня. Если у Брайана интрижка на стороне, на этот раз я его не прощу.

Я делаю еще шаг в направлении письменного стола мужа, пальцами исследую серебристую рамку для черно-белой фотографии, которая стоит на нем. Это фотография Шарлотты. Мы на ней – на пляже Майорки, идет первый день каникул. Мы еще не переоделись с дороги, просто закатали брюки по колено и бродим в прибое. Одну руку я поднесла к глазам, защищаясь от солнца, а другой держу нашу дочь за тонкое запястье. Она смотрит на меня, глаза широко распахнуты, улыбка играет на лице. Этому фото, наверное, лет десять. Но глядя на него, я все еще чувствую волну тепла и любви, особенно когда вижу выражение на лице Шарлотты. Чистое, ничем не замутненное счастье.

...половая доска в коридоре вдруг издает треск, я отдергиваю руку от фоторамки и вздыхаю. И когда я успела стать таким невротиком, что каждый скрип в двухсотлетнем доме заставляет меня трястись от ужаса?

Снова смотрю на письменный стол мужа. Он сделан из тяжелого красного дерева, три ящика слева, три – справа, посередине еще один, очень тонкий и неглубокий. Дергаю за ручку того, который посередине, и медленно выдвигаю его. Вдалеке снова скрипит половица. Но я не обращаю внимания. Даже когда звук становится все ближе и ближе. В ящике что-то лежит, какой-то исписанный рукой листок бумаги, открытка или письмо, я тянусь, чтобы взять это, осторожно тянусь, чтобы не задеть лежащие рядом скрепки и резинки...

– Сью?

Мужской голос звучит прямо за моей спиной.

– Сью, что ты делаешь?

* * *

Воскресенье, 4 сентября 1990 года

Мы с Джеймсом занимались любовью.

Это произошло в ночь на воскресенье.

Он позвонил мне в полдень и первое, что сказал: «Я едва мог уснуть, все время думал о тебе».

Я прекрасно его понимала, потому что со мной было то же самое. Я точно так же не могла перестать думать о нем. Проснувшись в субботу утром, я вдруг испугалась, что никогда-никогда больше его не увижу. Наверное, в пятницу вечером я сказала что-то совершенно непростительное, и сегодня – в холодном свете дня – он внезапно осознал, что я совсем не та женщина, которая ему нужна.

И я так себя во всем этом убедила, что, когда Джеймс все же позвонил и признался, что не может перестать думать обо мне, я почувствовала себя растерянной.

– Обязательно! – сказала я Джеймсу в ответ на то, что он хочет видеть меня как можно скорее. – Если я прямо сейчас заскочу в душ, потом поеду на метро, то смогу быть в Камдене, скажем, в...

– Вообще-то я думал, что мы можем поужинать сегодня вечером где-нибудь.

И что он теперь обо мне подумает? Когда я говорю, что готова кинуться к нему в любую минуту, словно у меня вообще нет своей жизни и я ее не контролирую?! Слава богам, он хоть не смеялся надо мной, а всего лишь спросил, приходилось ли мне бывать в

причудливом ресторане в районе Св. Панкратия. А я даже никогда о таком и не слышала. В то время как Джеймсу этот ресторан рекомендовал его хороший знакомый.

Ну вот, теперь у меня очередная дилемма: что на себя надеть? В итоге пришла к выводу, что лучше всего будет облачиться в маленькое, сотню раз испытанное черное платье. Я опоздала минут на двадцать, придя не в восемь, как договаривались, а в восемь двадцать; идя между столиками, сиявшими хрусталем и лоснящимися великолепными льняными скатертями, приблизилась к безукоризненно одетому метрдотелю, который тут же указал мне на наш с Джеймсом столик. Джеймс встал, приветствуя меня. Он был одет в серый костюм-тройку, на шее повязан лиловый галстук, а на запястьях красовались роскошные серебряные запонки. Я в своем трехлетнем платье и в туфлях с потертыми каблучками сразу же почувствовала себя неряшливой, но Джеймс оглядел меня с ног до головы, и его глаза одобрительно блеснули. Благодаря этому я чувствовала себя самой привлекательной женщиной в ресторане.

– Не могу перестать пялиться на тебя во все глаза, – сказал Джеймс после того, как метрдотель помог мне сесть, принес нам меню и удалился. – Ты всегда хороша собой, но сегодня ты просто... – он встряхнул головой и глубоко вздохнул, – сегодня ты просто до ужаса сексуальна!

Когда его взгляд коснулся моего декольте, я почувствовала, как краска приливает к моим щекам.

– Спасибо.

– Правда, Сьюзан, я думаю, ты не совсем понимаешь, какой эффект производишь на меня, да и на любого мужчину в зале...

По мне так это было немного чересчур, но когда я посмотрела на двух мужчин, у которых, видимо, была назначена деловая встреча, они оба недвусмысленно мне кивнули.

– Итак, – Джеймс дотянулся через стол до моей руки, пока я опустошала первый бокал вина. – Чего бы ты хотела?

Взглянув на меню, я выбрала:

– Гребешки, пожалуй. По крайней мере, звучит хорошо.

Он кивнул и сплел свои пальцы с моими, массируя их плавным движением.

– Но я не совсем о... еде.

Я изо всех сил старалась уйти от ответа на этот вопрос, направляя беседу в нейтральное русло, но Джеймс накрыл рукой мой бокал с вином и посмотрел на меня одним из его совершенно особенных взглядов.

– Я весь день не могу выбросить тебя из головы, – сказал он.

– И я тоже.

– Ты не понимаешь... – он сжал мою руку крепче и понизил голос почти до шепота. – Я провел с тобой всего лишь один вечер и теперь не могу совладать со своими разумом и телом, которые равно жаждут тебя.

Я робко кивнула, слишком стесняясь признать, что сама множество раз представляла, как Джеймс лежит обнаженный рядом со мной.

– Меня все это просто убивает... жарит на медленном огне... – продолжил он. – Сидеть напротив тебя, не имея возможности ласкать тебя, целовать, – его голос понизился до хрипоты, – трахать тебя...

Но я не отвела глаз, не отвернулась. Вместо этого провела своей ладонью по его ладони, слегка надавливая на косточки пальцев, и медленно проговорила:

– Наверху можно снять комнату...

– Да, – Джеймс широко улыбнулся, – но теперь, когда я уверен, что ты меня сильно хочешь, я заставлю тебя томиться...

Я было запротестовала, но он твердо покачал головой, все еще храня улыбку на лице, налил мне вина.

– Давай сделаем заказ? – сказал он. – Гребешки, наверное, и правда отменные.

Но в таком «деловом» стиле мы пообщались совсем недолго: как только нам подали заказ, воздух над нашим столиком уже плавился от желания, растворенного в нем. Вообще-то я не из тех, кто, придя в ресторан с молодым человеком, начинает говорить о сексе, но Джеймс продолжал самым откровенным образом массировать мои пальцы, а я терлась своей ступней, облаченной в чулок, о его лодыжку, и мы пили уже вторую бутылку вина, так что когда Джеймс спросил, занималась ли я когда-нибудь сексом под открытым небом, я так расхрабрилась, что изъявила желание заняться этим в палатке, на заднем дворе после вечеринки, на пляже или просто отсосать ему в туалете. Джеймс слушал, и его глаза загорались воодушевленно, потом он прервал меня, поинтересовавшись, пробовала ли я когда-нибудь БДСМ или ролевые игры. Его интересовало прежде всего, есть ли у меня любимая роль и поза. Я ухмыльнулась и сказала, что мы с Натаном экспериментировали с шелковыми лентами и наручниками.

– Ну а ты сам? – спросила я Джеймса после того, как официант расставил перед нами горячие блюда. – Ты сам-то пробовал БДСМ?

– Немного, – Джеймс приподнял бровь, – по сравнению с тобой я неофит.

Он улыбался, говоря это, но в его голосе послышался оттенок осуждения. И это меня задело. Джеймс заметил перемену в моем настроении.

– О, Сьюзи, – он сжал мою руку, – Сьюзи-Сью, ты сердишься? Я ведь только шучу, и все. Посмотри на меня, пожалуйста.

Я посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы и рассмеялась, увидев, что Джеймс надулся, как ребенок. Он, думаю, старался передразнить мое выражение лица.

– Я очень плохо себя вел, – проговорил Джеймс, проведя пальцами по ребру моей ладони, – я делал ужасные вещи, и вместе с тем... – его глаза вдруг зажглись надеждой, – не столь ужасные, какие собираюсь сделать с тобой...

– Джеймс, это угроза или обещание?

Он выпустил мою руку, отрезал кусочек стейка и улыбнулся.

– И то и другое.

...я не помню, как мы купили номер, как поднялись наверх на лифте, открыли дверь, все еще одетые, но в ту секунду, как дверь закрылась за нами, мы начали рвать вещи друг на друге – рубашку, мое платье, его носки, мое белье... секс был ошеломительный, быстрый и животный, так нами владело желание иметь друг друга. Опустошенные, мы лежали в объятиях друг друга, потные и задохнувшиеся, но это затишье продлилось не дольше десяти минут, – Джеймс перекатил меня на кровати, его возбужденный член снова входил в мое естество, настойчиво, до победного конца.

Чуть позже этой же ночью мы переспали в ванной. Мы всего лишь хотели вместе помыться, но мягкая текучая вода, мыло, наши обнаженные тела... когда мы наконец добрались до кровати, солнце уже робко светило сквозь занавески.

– Я словно во сне, – сказал Джеймс, путешествуя пальцем по моему лбу, спускаясь к носу и замирая где-то в районе верхней губы. – Мне кажется, я еще никогда не был так счастлив.

– Я знаю, – я погладила его руки, сжав одной его бицепс, ощущая мускул в своей ладони, – не могу поверить, что это действительно происходит.

– Но именно это и происходит, – Джеймс прильнул ко мне и нежно поцеловал, раздвинул губы языком и поцеловал уже настойчивее, сжимая мою грудь рукой. А через минуту он уже снова был на мне. Уснули мы не раньше шести утра...

Глава 3

– Кто это? – Я отпрянула прочь от ящика стола и повернулась, чтобы рассмотреть того, кто подкрался ко мне сзади. – Я ничего такого не делала, я просто искала...

– Попалась! – Высокий темно-рыжий мужчина стоял в дверном проеме, указывая на меня рукой и смеясь. – Великолепно! Да ты можешь потягаться с олимпийскими спортсменами, я еще не видел, чтобы кто-нибудь так резво и высоко подпрыгивал!

– Оли! Ты меня до смерти напугал!

Мой приемный сын снова засмеялся, его веснушчатое лицо осветилось радостью.

– Прости, Сьюзан, я не устоял.

Я выдавила из себя улыбку, но руки, которые я благоразумно спрятала за спину, дрожали.

– А ты разве не должен сейчас быть в университете?

– А я и был. Ну... вроде того. – Оливер встряхивает рюкзаком, который висит на его плече, как бы показывая, что слова про университет – чистая правда. – Пеший поход в Саутгемптон. Я подумал, что заскочу и увижу отца. – Он оглядывается в поисках Брайана. – Но, похоже, мы с ним разминутись...

– Минут на двадцать. Он сегодня уехал в Лондон.

– Черт подери, – Оливер еще раз осматривается, видимо, надеется, что Брайан чудесным образом материализуется из воздуха, потом переводит взгляд на меня и хмурится. – Сью, ты в порядке? Смотришь на меня, словно увидела призрака.

– Я в полном порядке, – рукой тихонько задвигаю ящик стола и пересекаю кабинет. – Ну правда.

Оливер рассматривает мое лицо, стараясь прочесть по нему что-то.

– Как Шарлотта?

Я вздыхаю, словно сдуваюсь, когда воздух покидает легкие. Пока я копалась в вещах Брайана, меня будоражил адреналин, но теперь я чувствую себя опустошенной.

– Она... – мне хочется сказать Оливеру правду. О том, что Шарлотта точно так же лежит, как и вчера, или позавчера, без изменений, – но он выглядит таким обеспокоенным, что я, конечно же, вру. У него скоро экзамены, он так к ним готовился, мне нельзя его расстраивать. – Ей лучше. Вчера на щеках, например, появился румянец.

– Да ты что? Правда? – Оливер загорается. – Это же здорово, хороший знак, не так ли?

– Да... это прогресс.

– Ну а она... подавала какие-нибудь знаки... ну, знаешь, что она скоро проснется?

– Нет, пока нет, – соврать сильнее у меня уже не получится.

Правда в том, что врачи не знают, когда Шарлотта проснется и проснется ли вообще. Они провели ряд тестов – рентген, МРТ, – и результаты показали, что функции ее мозга в норме. Грубо говоря, нет физической причины, по которой она остается в коме. Причина – в ее переживаниях. Вот почему найденное в дневнике упоминание об ужасном секрете кажется мне столь важным. Возможно, однажды я узнаю и пойму, почему моя дочь не хочет просыпаться, и смогу ей помочь.

– Что-то... музыка... – говорит мой приемный сын.

– Что ты сказал, мой хороший?

Оли улыбается невинно, я видела эту улыбку сотню раз с тех пор, как Шарлотта попала в аварию, – она ободряет и поддерживает меня в моем забытии, когда я не слышу окружающее и могу думать только о Шарлотте.

– Ты не пробовала наигрывать Шарлотте ее любимые песни? В голливудских фильмах этот прием срабатывает.

– Музыка...

Шарлотта обожала «Степс» и «Клуб семь» – их дурацкие, но очень милые мелодии и простую танцевальную музыку. Но в ту пору она была подростком, прошло много времени.

– Я уже несколько лет не покупала ей музыку на CD. Теперь вся музыка на MP3, дети ее просто загружают из Интернета, разве нет? Ты сам-то знаешь, какую музыку она любит?

– Вообще без понятия. – Он пожимает плечами. – Леди Гагу, может? Джесси Джей? Не на Гагу ли молится все поколение шестнадцатилетних?

– Да я не особо в курсе.

– А ты проверила бы ее айпод, посмотрела, что она туда закачала, что слушает...

– А ты сможешь проверить? Я не умею, Оли...

Теперь оставалось найти айпод Шарлотты.

– Может, ее друзей спросить?

– Да, думаю, можно, – сказала я. Но это предложение меня смутило. На ее страничке в Фейсбуке, конечно, висели разные уверения в дружбе – вроде «люблю» и какие-то сердечки и смайлики, – но самыми важными людьми в ее жизни были ее молодой человек Лиам Хатчинсон и лучшая подруга Элла Портер. Как же я сразу о них не подумала?

– Ты в порядке, Сью? – Оливер кладет мне руку на плечо, на его лице – выражение заботы.

Я натужно улыбаюсь.

– В полном порядке. Слушай, ты ведь заберешь подшивку «Нэшнл джеографик» обратно в университет? Журналы заполонили собой весь стол, и это приводит твоего отца в бешенство.

– Честно говоря, я собирался перелистать их и вырезать несколько статей оттуда, онигодились бы в моих исследованиях... – Оливер смотрит на часы. – Черт побери, я забыл о времени, давай я журналами займусь в другой раз, когда буду у вас, хорошо? И, конечно же, заеду повидать Шарлотту.

По лицу Оливера пробегает едва заметная тень.

– Прости, Сью, я редко захожу к ней. Жизнь такая суматошная пошла...

– Я все понимаю, – кладу руку на его предплечье, – у тебя и так забот полон рот. И лучшее, что ты можешь сейчас сделать, это учиться на «отлично», чтобы мы тобой гордились.

Мы в молчании спускаемся вниз, проходим через холл в кухню, где Милли – наш собачий лохматый Гудини – уже поджидает нас, отбивая хвостом барабанную дробь.

Я тянусь к Оливеру, чтобы обнять его на прощание, и вдруг понимаю, как же быстро летит время. Кажется, еще вчера мы впервые обняли друг друга. Оливер и до плеча-то моего не дотягивался – обнимал за колени.

– Я скажу твоему отцу, что ты заезжал, – говорю я ему.

– Клево, – Оливер целует меня в макушку, а потом наклоняется, чтобы потрепать собаку за ухом. – Будь хорошей девочкой, Милли.

– За рулем аккуратнее! – кричу я вслед Оливеру, пока он ленивой походкой покидает кухню, выходит на крыльцо, машет рукой и исчезает.

Я все еще стою у кухонного окна, разглядывая сад, – долго еще стою: маленький красный «Мини-Купер Оливера уже скрылся из виду. Наша с Оливером короткая беседа в кабинете мужа прочистила мне мозги. Я вдруг почувствовала себя очень глупо оттого, что обыскивала карманы Брайана. Если не брать в расчет эмоциональное равнодушие, которое демонстрирует Брайан, и мои подозрения, то по сути у меня нет причин думать, что муж мне изменяет. Разумеется, произошедшее с Шарлоттой изменит наши отношения, да и как столь ужасное событие могло бы не изменить их? Говорят, что леопард никогда не потеряет свою шкуру, но Брайан – когда я его встретила – уже был сломленным человеком, потом еще его интрижка... в ответ на мои обвинения он плакал и кричал, что он ничем не хуже по крайней

мере того монстра, с которым я жила до него. Клялся, что никогда больше не причинит мне боль. И я ему верила.

Звонит телефон, этот звук постепенно прерывает мои размышления, и прежде чем я понимаю, что делаю, я выставляю Милли за дверь на крыльцо и иду ответить на звонок. По личной линии Брайану звонят редко, только если случается что-то важное.

– Алло? – я слегка задыхаюсь, потому что бежала.

– Миссис Джексон? – я тут же узнаю голос. Это Марк Харрис, личный помощник Брайана.

– Да, это я. Я вас слушаю.

– Простите, что отрываю от дел, миссис Джексон, но можно ли поговорить с вашим супругом? Я бы вас ни за что не побеспокоил, но дело в том, что его мобильный выключен.

– Брайан? – я хмурюсь. – Он едет на работу.

– Вы в этом уверены? – В трубке слышится щелчок и шуршание бумаги, потом еще щелчок. – В его ежедневнике отмечено, что его не будет на работе до полудня.

– Должно быть, это какая-то ошибка... – я тяжело дышу, внезапно пересохло горло. Должно всему этому быть рациональное объяснение, – мне муж сказал одно, а своему помощнику – другое... – Брайан абсолютно точно сказал, что едет на работу, когда я видела его сегодня утром.

– О-о-о... – Марк тактично тянет паузу. – Они для него сегодня открылись пораньше?

– Не поняла вас?

– В больнице. Вчера он сказал, что собирается навестить Шарлотту утром. Вот почему я и подумал, что до полудня он будет там.

Я медленно тону в глубоком кожаном кресле Брайана, телефон становится мокрым в ладони. Когда мы навещали Шарлотту, врач сказал, что они будут проводить новые тесты и что навестить дочку раньше полудня мы не сможем.

– Миссис Джексон? – голос Марка такой тихий, что кажется, будто он далеко-далеко, за сотни километров отсюда. – Миссис Джексон, вы в порядке?

* * *

Среда, 6 сентября 1990

Джеймс не появлялся три дня, и я начался беспокоиться. Из комнаты в отеле он ушел раньше меня, утром в воскресенье ему нужно было поехать домой и переодеться перед репетицией, и с тех пор от него – ни звонка.

Я прокручивала – снова и снова – события прошлого вечера и ночи – в голове, но ничего неправильного в их течении не находила. Конечно, большую часть ужина я несла чепуху, но как я была рада, что Мэгги позволила мне заняться дизайном костюмов для команды крикета Abberly Players. Да и работа в баре наконец-то даст возможность заплатить за диплом преподавателя английского для иностранцев, и тогда я смогу шить днем, а не по ночам. Но к Джеймсу у меня все же было много вопросов. И еще я бросила курить. Совсем. Даже после чашки кофе сигарету в рот не беру.

Воскресным утром, прежде чем уйти, Джеймс прильнул ко мне и поцеловал в губы. Сказал, что провел одну из самых незабываемых ночей и что обязательно позвонит вечером.

Но вот только он не позвонил.

И в понедельник не позвонил.

К вечеру вторника я была уже так раздосадована, что сама позвонила Хеллс. Она спустила меня с небес на землю и сказала, что поведению Джеймса есть нормальное объяснение и что он позвонит, как только решит это сделать. Она сказала расслабиться и продолжать жить как жила до того. Легко ей говорить. Не она годами жила в одиночестве. Она даже представить себе не может, как мучительно бывает сидеть одной, пытаясь смотреть фильм, но в это время все время поглядывать на телефон и прислушиваться, не звонит ли он. Боги мои, но телефон... он зазвонил!!! Пожалуйста, пусть это будет Джеймс...

Глава 4

Я лежу, свернувшись калачиком на софе, когда Брайан возвращается домой, – в руке у меня книга, на прикроватном столике – чашка кофе, пятками я упираюсь в собственные ягодицы. Все до боли знакомо: можно подумать, что лежит обыкновенно счастливая Сью, но... но я пью уже третий бокал вина, а страницу в книге перечитала раз семь.

– Привет, родная!

Муж быстро оглядывает гостиную и запросто машет мне рукой, точно так же, как его сын часов двенадцать тому назад.

– Я только на минуту обратно в машину, я кое-что привез, и сразу вернусь!

Я одобрительно кивнула, но тело мое напряглось. И дело даже не в том, что муж может снова изменять, не это мучает меня. А то, что он использовал в качестве прикрытия трагедию с нашей дочерью! Я весь день провела как на иголках, пролистывая свой собственный дневник и копаясь в ящиках мужниного стола в поисках хоть какого-то знака... но в ящике не было ничего стоящего, кроме какой-то порванной записки. И если бы не позвонил Марк, у меня бы последнее подозрение развеялось как дым.

– Здравствуй снова, дорогая!

Брайан опять машет мне рукой, проходя в комнату, а рядом с ним семенит Милли. Когда он приближается к софе и аккуратно целует меня, я отодвигаюсь, и он садится.

– Как прошел день, Сью?

– Нормально.

Подушка за спиной явно мешает Брайану, он ее нащупывает одной рукой и, не глядя, отбрасывает прочь, в кресло. Потом откидывается со вздохом облегчения, смотрит на меня.

– Вот просто «нормально» и все? Я думал, ты выберешься в город, купишь себе новое платье или...

– Я...

Еще секунду, еще одну секунду, и ничего не рухнет, все будет действительно нормально. словно мы с мужем в обыкновенной нашей манере болтаем о прошедшем дне... но я помню. Все совсем не «нормально».

– Я никуда не ездила, была слишком занята.

– Ах так...

Брайан приподнимает бровь и ждет объяснений, но я меняю тему разговора.

– Утром заезжал Оли.

– И мы с ним снова разминулись, да? – Вид у Брайана разочарованный. – Чего он хотел?

– Да ничего особенного. Он заезжал по пути в Саутгемптон, собрался в пеший поход или вроде того. Думаю, он может еще раз заехать к нам по пути обратно.

– Ну и славно, – улыбка снова возвращается на лицо мужа. Отношения с сыном у Брайана не такие, как с Шарлоттой, они более... сложные, запутанные. Пока Оливер был ребенком, их с отцом объединяла горечь утраты. Оба страшно горевали, когда мать Оли умерла. Когда мальчик подрос – отношения достигли пика непонимания, но потом постепенно выровнялись до взаимного уважения. Можно описать эти отношения примерно так: крепкая дружба, одобренная схожим (родственным) чувством юмора и подогреваемая расходящимися взглядами на политику. Они вместе легко находят общий язык, когда им весело. Но когда они ссорятся, это напоминает настоящую битву титанов. И каждый норовит прикрыться то мной, то Шарлоттой.

Я поворачиваюсь, чтобы положить книгу на столик и туда же поставить недопитый бокал вина. При этом стараюсь прятать лицо от мужа. Должно быть, он все же заметил, что выгляжу я, мягко говоря, не очень. Стараюсь вести себя как обычно, в то время как больше

всего на свете мне хочется выместить на Брайане всю свою ярость. Но кричать на него я не могу. Меньше всего сейчас нужно, чтобы со мной повторился один из моих припадков. Нужно успокоиться. Мыслить логически. Ну соврал мне, ну и что. Это же не улика в чистом виде.

– Ты в порядке?

В голосе Брайана я слышу нотки заботы.

– Да, я в норме. – Я поворачиваюсь к нему лицом. – Как дела на работе?

– Фу, – Брайан морщится и проводит пальцами по волосам. Когда-то эти волосы были огненно-рыжими, как сейчас у Оливера, но сейчас Брайан почти весь седой. – Довольно отвратительно.

– Как путешествие на поезде?

Брайан смотрит на меня вопросительно. Обычно я не вдаюсь в подробности, расспрашивая о том, как прошел день.

– Говоря твоими словами – нормально, – отвечает он, перемещаясь по софе, и похлопывает меня по коленке. – Слушай, с тобой точно все ок? Ты выглядишь какой-то напряженной...

Пальцы мои прочно сцеплены, неужели я ими хрустела, пока Брайан со мной говорил? Надо же, как иногда нас может выдать собственное тело! Я перевожу взгляд с пальцев на мужа, но его тело мне ни о чем не говорит, он расслаблен и вполне доволен собой, как всегда.

– Ну и зачем ты мне соврал, Брайан?

У меня не хватает терпения, чтобы сохранить спокойствие и мыслить трезво. У Брайана почти отвисает челюсть, и он говорит:

– Что, прости?

– Ты вроде как ушел на работу...

– Когда?

– Сегодня утром. Но ты ведь туда не пошел, верно?

– Нет, я пошел туда.

– Тогда почему Марк говорит, что тебя там не было?

– Марк? – Брайан убирает руку с моего колена. – А с какой стати ты звонила в мой офис?

– А я и не звонила, – парировала я. – Позвонил как раз Марк.

– И что ему было нужно?

– Сказал, что должен обсудить с тобой что-то чрезвычайно важное. Интересно, успел ли он это обсудить, если ты, конечно, сегодня был в офисе?

– Я был в офисе. И да, – муж чуть подвинулся, сменил позу, теперь он смотрел прямо на меня, – то, что он хотел со мной обсудить, действительно не терпело отлагательств.

– Ну и круто, – я удерживаю взгляд Брайана, – где же ты был сегодня утром, дорогой?

Пару секунд Брайан ничего не отвечает. Проводит рукой по своему лицу и делает несколько глубоких вдохов. Я гадаю, что это: успокаивает ли он себя, стараясь что-то скрыть, чтобы я не поняла, врет он или говорит правду, – теперь, когда я его спровоцировала.

– Я... – он смотрит на меня, нахмурившись. – Я собирался к Шарлотте.

– Никуда ты не собирался! Мы там были с тобой вдвоем, когда врач сказал, что...

– Сью, – Брайан поднимает руку, прося меня замолчать, и я замолкаю. – Я планировал повидать Шарлотту этим утром. Я это планировал уже несколько дней тому назад. Я ведь знаю, что ты не выносишь, когда она остается одна, поэтому я хотел сделать тебе сюрприз, что ли, чтобы ты могла поехать в город и сходить на маникюр, постричься, купить новое платье, или что там обычно делают женщины, – а я в это время посидел бы с Шарлоттой. Но прошлым вечером врач сказал, что будут делать новые тесты, и это резко изменило мои планы, я не смог сделать, как задумал, так что...

– И что?

Я говорю так громко и резко, что Милли поднимает голову и внимательно смотрит на меня.

– И я отправился в город. Посетил библиотеку, поплавал в бассейне, прошелся по магазинам и просто провел время, – Брайан поежился, – думаю, ты называешь все это именно так: провести время.

– Провести время?

– Ну да, – муж смотрел мне прямо в глаза.

– Правильно ли я поняла тебя, что ты хотел подарить мне возможность потратить время для себя самой, но когда врач сказал о предстоящих тестах для Шарлотты, ты решил изменить планы?

– Вроде того, – Брайан повел плечом, было видно, что ему не очень комфортно.

– Ну а почему ты об этом не сказал мне?

– Когда я мог это сказать?

– Да хотя бы сейчас, когда пришел. Почему. Ты. Не. Сказал. Мне?

– Да бога ради, Сью, – Брайан качнулся ко мне, обхватывая голову руками, – я не хочу так, правда, не хочу, понимаешь?

– Но... – я не успела закончить предложение. Вся ситуация вдруг высветилась перед мной в каком-то комедийном свете, и я спросила саму себя, почему я продолжаю выяснять отношения с Брайаном? Брайан хотел подарить несколько свободных часов мне, но так получилось, что подарил их себе. И это логично. Да, он не сказал мне об этом прямо с порога, и что в этом такого? Я же не его владелец, он не должен передо мной отчитываться за каждый свой шаг, я же перед ним не отчитываюсь. Я на это не способна – после того, что пережила с Джеймсом.

Я смотрю на противоположный конец софы. Она горбится, но у нее красивая обивка, я фиксирую это, не знаю зачем. Брайан был таким отдохнувшим, таким оптимистичным, когда десять минут назад вошел в дом. А сейчас он выглядит на десять лет старше.

– Прости меня, – я кладу руку на его плечо.

Брайан молчит в ответ.

– Прости, пожалуйста, – повторяю я.

Дедушкины часы в углу комнаты отсчитывают еще десять минут тишины.

– Брайан, – я стараюсь говорить как можно мягче, – пожалуйста, посмотри на меня.

Кажется, проходит целая вечность, прежде чем Брайан убирает руки от лица и смотрит на меня.

– Сью, у меня нет желания спорить, не после того, что случилось.

– И у меня нет.

Я трясусь его за плечо, а он своей ладонью накрывает мою. Тепло его руки действует успокаивающе, и я тяжело вздыхаю.

– Идет? – Брайан ищет ответ в моих глазах.

Я уже почти готова его обнять, чтобы затеряться в его теплом, мужском запахе, но мысль пронзает меня.

– А в бассейне, где ты плавал, было много народу?

Брайан выглядит обескураженным, но потом улыбается.

– Полно! Кругом одни дети, ведь сейчас середина семестра, что я ожидал?

«Не знаю, что ты там ожидал, – думаю я про себя, пока Брайан притягивает меня к себе и обнимает все крепче, – но бассейн был, скорее всего, не то что безлюден, в нем даже воды не было. Потому что две недели назад его закрыли на ремонт».

* * *

Мы сидим у кровати Шарлотты очень тихо. Я держу ее за одну руку, Брайан – за другую. В углу палаты ритмично и неумолимо пищит прибор, фиксирующий сердцебиение нашей дочери. По пути мы с мужем не сказали друг другу ни слова. Но мы часто дружно молчим, как бы понимая друг друга, особенно когда в машине работает радио. Пока мы ехали, Брайан спокойно вел, а я молча смотрела на пейзаж за окном. Я пыталась решить, что делать: продолжить выяснять отношения, сказав, что бассейн-то на ремонте, или же прикусить язык и притвориться, что все чудесно. Сейчас, пожалуй, нужно выбрать второе.

– Они все еще не нажали кнопку тревоги, – говорю я, и мой голос звучит страшно громко в маленькой палате.

Брайан разглядывает неряшливую желтого цвета салфетку, прикрывающую красную кнопку в изголовье кровати Шарлотты.

– Нечему удивляться. Думаю, они даже каналы в телевизоре не переключают.

Я дотягиваюсь до пульта и включаю ящик, там показывают «Удачную покупку» – мы смотрим секунд тридцать, а потом по экрану идут сплошные помехи. Я его выключаю.

– Какова ирония момента, – Брайан действительно поражен, – я ведь работал – и получил бюджет, чтобы улучшить финансирование этой больницы. А тут все так же, как было, и даже хуже. Я пришел сюда с улицы, а меня даже не проверили на наличие стафилококка, вдруг я заражу Шарлотту? А ты обратила внимание на то, какие тут грязные подоконники? Чем тут вообще заняты уборщицы? Распыляют дезинфектант в каждой комнате, словно это духи, а потом идут домой с тяжелой работы?

– Сурово ты говоришь, – я достаю антисептическую салфетку из мешочка, который прикреплен к кровати Шарлотты, протираю подоконник, потом – каретку кровати, на которой лежит моя дочь, следом – дверную ручку. – Думаю, они просто перегружены работой, не успевают ничего толком.

Брайан вздыхает и шуршит газетой, которую взялся читать. У мужа есть привычка зачитывать вслух интересные или вызывающие полемику статьи. Понятно, что Шарлотта никак на них не реагирует, но этот нехитрый ритуал позволяет наполнить визит к дочери смыслом.

Покончив с уборкой, я возвращаюсь к Шарлотте. Расправляю складки на ее ночной рубашке, расчесываю волосы, протираю лицо влажной салфеткой, втираю крем в ее кисти, потом на секунду замираю у края кровати, чувствуя, как едва заметно дрожат мои руки. Волосы Шарлотты не были спутаны, лицо не испачкано, кожа на руках не пересохла, но что же еще делать с ней, как не заботиться? Можно просто держать ее за руку. Словами не передать, как сильно я ее люблю. Я могу только молиться, чтобы она снова очнулась, открыла глаза, вернулась к нам. Могу не молиться, а плакать. Могу дожидаться, пока останусь с ней в палате один на один, прильнуть к кровати, обнять ее всю и спросить: ну почему?! Почему я не заметила, что ей так больно, что она скорее умрет, чем проживет еще хотя бы один день? Доченька моя, как могла я не заметить этого? Не почувствовать? Возможно, я плохая мать. Возможно, в ее детстве я с ней мало проводила времени, мало носила на руках, мало ей пела, мало прижимала к себе. Может быть, как раз те два дня – сразу после ее появления на свет, – когда я не могла взять себя в руки и все время рыдала, – может, именно тогда во мне повредился этот самый ген материнства? Как еще объяснить, что я осталась равнодушной к страданиям собственного ребенка?

Я могу возложить надежды на бога, например. Молить его, чтобы он поменял меня и Шарлотту местами, – чтобы она снова могла улыбаться, смеяться, ходить по магазинам, навещать друзей, смотреть кино, слишком долго торчать в Интернете.

Чтобы она могла ЖИТЬ вместо меня.

Но я уже проделывала все эти трюки: молилась, плакала и снова молилась. Так много раз проделывала, что потеряла счет времени, и ничто, ничто не налаживалось.

– ...простите, но за один раз больную могут посещать не более трех человек. Боюсь, одному из вас...

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть, кто говорит. Медсестра преграждает путь парочке молодых людей, юноша и девушка стоят как раз на пороге палаты. Я узнаю в высоком худощавом блондине Дэнни Арджента, одного из приятелей Оливера. Рядом с Дэнни стояла не известная мне девушка.

– Но как же... – И тут мы с Дэнни встретились глазами: – Привет, Сью!

– Дэнни! – Я взглядом показываю Брайану, что пришел Дэнни. Брайан хмурится. – Что ты здесь делаешь?

Дэнни заходит в палату. Медсестра громко протестует, но парень не обращает никакого внимания.

– Мы... – Дэнни оборачивается на свою подружку, привлекательную девушку смешанных кровей, – Кейша и я, мы хотели повидать Шарлотту. Можно?

Брайан прокашливается, дело в том, что у них с Дэнни нет особого взаимопонимания с тех пор, как нам пришлось – несколько лет назад – ехать в больницу, чтобы забрать оттуда Оливера, после их с Дэнни пьяной вечеринки. Сначала Брайан стал белее простыни, когда увидел сына, лежащего в полубессознательном состоянии на больничной каталке, – потом покраснел, увидев Дэнни, который тренировался с колесом каталки, пиная его. Дэнни он никогда не простит – за то, что тот позволил его сыну напиться в стельку, но при Оливере он ни разу не позволил себе неуважительно высказаться о лучшем друге сына.

У Дэнни теперь просто нет шанса поступить неправильно. Если он, конечно, благодаря заботам Брайана хочет остаться директором ночного клуба.

– Сью? – Дэнни снова зовет меня. Он кивает в сторону Кейши, которая с надеждой улыбается мне.

Я смотрю на Брайана. Случайному человеку мой муж может показаться образцом нормального человека, но я-то знаю, что творится у него в голове, что скрывается за этим взглядом. Вот прямо сейчас Брайан скорее всего прикидывает, мог ли Дэнни иметь отношение к аварии, в которую попала Шарлотта. Брайан сжимает кулаки уже из-за одного того, что видит Дэнни в одной палате со своей дочерью. Лично у меня к Дэнни особых претензий нет. Он, разумеется, тщеславный, самовлюбленный и крайне материалистического склада человек; я бы сама вряд ли выбрала в друзья Оливеру именно его. Но он не так уж плох, он не опасен. Например, он всегда относился к Шарлотте как к сестре, и ей это, надо сказать, не всегда нравилось. Но тут я не могу пойти поперек Брайана, даже представить себе не могу, что пойду против мужа. Но это только ради Шарлотты, не ради Брайана.

– Я не знаю, хорошо ли... – я перевожу взгляд с Дэнни на Брайана и обратно на Дэнни. – Можно ли..

Слышно, как скрипнул стул Брайана, и он встал.

– Хочу выпить кофе, – муж многозначительно смотрит на меня. – Я тебя найду, Сью. Оставайся здесь.

И Дэнни, и я удивлены – каждый по-своему, – Брайан делает в сторону Дэнни предупреждающий кивок и только после этого покидает палату. Проходит несколько томительных минут тишины, пока кто-то из нас решается произнести что-то вслух.

– Заходите, заходите же, – в конце концов я приглашаю их войти, дублируя слова жестом. Кейша проскальзывает в палату и сразу же прижимается к Дэнни так тесно, что он едва может сохранять равновесие. Ту же повадку я наблюдала у Милли, когда она прислонялась к Брайану. Она обычно так давила на колени мужу, что он едва мог устоять на ногах.

У Милли это знак наивысшей преданности, и, глядя на лицо Кейши, могу с полной уверенностью сказать, что ее поведение значит то же самое.

А Дэнни едва обращает внимание на Кейшу. Если бы он не приобнял ее за плечи и не положил ладонь на основание шеи, я бы усомнилась, что он вообще замечает ее. Он глаз не мог отвести от Шарлотты – по крайней мере, последние пять минут.

– Как она? – спросил Дэнни.

Я пожимаю плечами. Это очень удобный и распространенный ответ. Полуобман-полуправда.

– Врачи говорят, что худшее уже позади.

– Так почему же... – он хмурится, – почему она не просыпается?

– Они этого не знают, – я глажу руку Шарлотты. Она лежит такая тихая и спокойная, кажется, она холодная как лед, но нет, – теплая, живая.

– Правда? А как вы считаете, врачи смогут...

Раздается громкое всхлипывание, и мы оба – я и Дэнни – поворачиваемся к Кейше. Слезы градом бегут по ее щекам.

– Ну вот... давай прекращай, слышишь? Ты меня этим просто бесишь.

Я инстинктивно напрягаюсь от его тона. Джеймс вел себя точно так же – холодно и жестко, – даже если кто-то рядом плакал.

Кейша закрывает лицо руками, но слезы она остановить не может. Они просачиваются сквозь пальцы и капают с подбородка, оставляя на розовом топе красные мокрые пятна.

Я было протягиваю руку, чтобы утешить ее, но сиюю слишком далеко.

– Кейша, ты в порядке?

Она кивает и правой рукой вытирает щеки. Левою держится за борт кожаного пиджака Дэнни.

Ей, вероятно, восемнадцать, максимум – двадцать, но ведет себя как пятилетний ребенок.

– Просто... – она слегка захлебывается в рыданиях, – просто... очень грустно...

Я удивлена ее акцентом. Не думала, что она ирландка.

– Да, грустно. – Грудь Шарлотты вздымается и опадает на выдохе. Трубки убрали четыре недели назад, с тех пор она дышит сама. – Мы не теряем надежды, нет причин сомневаться, что она не...

Кейша тихо стонет, словно у нее разрывается сердце, и отпускает Дэнни.

– Кейша, Кейша, прекрати немедленно, – на лице Дэнни нервно играет желвак.

– Не могу, – Кейша обхватывает себя руками и пятится к двери.

– Кейша? – Я встаю со стула и медленно иду к ней. Протягиваю руку ладонью вверх, словно передо мной раненый жеребенок или олень. – Кейша, что с тобой, что такое?

Она видит мою руку и трясет головой.

– Простите меня, – она снова пятится к двери, все ближе и ближе к порогу. С головы до пят она дрожит, это видно. – Мне так жаль...

– Нам всем очень жаль, – я стараюсь сохранять спокойствие, но сердце бьется, как птица в клетке, – не нужно так сильно расстраиваться, Шарлотта действительно попра...

– Я не о том. Я о...

– Кейша! – Дэнни говорит так громко, что мы обе подпрыгиваем. – Заткни к чертям собачьим свою пасть!

– И не подумаю, – Кейша переводит взгляд с лица Шарлотты на лицо своего приятеля. – Она должна знать.

– Знать что?

О чем она говорит?

– Что я должна знать, Кейша?

Какое-то время они с Дэнни пелятся друг на друга, словно их загипнотизировали. У Дэнни глаза превратились в бойницы. Он уже спокойно и тихо просит ее заткнуться.

– Кейша!

Мне нужно, чтобы она на меня посмотрела. Я должна разрушить заклинание, которое Дэнни на нее наложил.

– Кейша, прошу тебя!

– Сью, ты почему кричишь? – Брайан появляется в дверном проеме за спиной у Кейши, в руке у него чашка дымящегося кофе.

Я смотрю на мужа с изумлением. Как долго он тут, когда успел вернуться?

– Я так и думал, – Брайан косится на Дэнни, – я знал, что, черт подери, будут проблемы, стоит тебя пустить...

Но он не успевает закончить фразу, потому что Кейша тихо вскрикивает и, оттолкнувшись от плеча Дэнни, толкая Брайана, выбегает из палаты. Кофе выплескивается на холодный линолеум.

– Кейша! – Дэнни бросается за ней следом.

Самый ужасный момент – когда Дэнни и Брайан сталкиваются лицом к лицу в дверях, и я почти уверена, что кто-то из них ударит другого, но вот Брайан уступает дорогу Дэнни... я слышу, как Кейша что-то хрипит, когда ее дружок догоняет ее в коридоре, и после этого больница снова погружается в тишину.

Аппарат, фиксирующий сердцебиение Шарлотты, пищит и пищит.

Брайан смотрит на меня со смешанным выражением смущения и шока на лице.

– Что тут вообще произошло?

В его вопросе слышится невысказанное обвинение, он смотрит на Шарлотту, обеспокоенный.

– Я аж с другого конца коридора услышал, как кричит эта девчонка, и удивлен, что не пришла медсестра. Или даже охрана.

Я сажусь на стул возле кровати Шарлотты, мышцы в ногах внезапно ослабевают. Беру дочь за руку. Секунду я и Брайан сидели в тишине, молча, а потом он спросил:

– Что она хотела тебе сказать?

Брайан ставит недопитую чашку кофе на столик и берет Шарлотту за другую руку.

– Кто?

– Та девчушка, что была с Дэнни. Она что-то кричала, пока бежала по коридору.

– Я ничего не расслышала.

Брайан очень пристально смотрит на меня.

– Сью, она кричала что-то вроде «тупая чертова кукла, она мне доверяла, она думала, что я ее лучшая подруга, и теперь посмотри, что случилось».

* * *

Суббота, 9 сентября 1990

В среду позвонил Джеймс. Он дико извинялся, сказал, что ему помешали чудовищные обстоятельства, поинтересовался, смогу ли я когда-нибудь его простить за то, что он так долго держал меня в подвешенном состоянии. Я очень хотела разозлиться, объяснить, что заслуживаю лучшего отношения и что с его стороны довольно самонадеянно вот так просто ждать, что я прощу его потому, что он позвонил и попросил. Но вместо этого я сказала:

– Купи мне пива, и я подумаю об этом.

Он назвал меня ангелом. Он даже не сомневался, что я поведу себя правильно и все пойму.

Когда мы встретились, чтобы выпить пива, я попыталась разузнать побольше об ужасных обстоятельствах, что помешали ему позвонить, когда он обещал. Но Джеймс быстро свернул разговор, уверив, что все расскажет чуть позже, когда мы будем вместе чуть дольше, чем сейчас (интересно, а это «мы» действительно существует?).

Неизбежно мы оказались в постели.

Мы сидели в клубе «Рука и сердце» в Клэптон Коммон, и, когда сделали последний заказ, я предположила, что мы поедем на метро ко мне в квартиру, потому что у меня дома была пара бутылок вина, их следовало опустошить. Джеймсу идея понравилась. Он сказал, что ему не терпится увидеть, где я живу, и послушать, что ему расскажут мои вещи обо мне. Как выяснилось позже, все, что он смог рассмотреть и запомнить – после того, как мы прошли в квартиру, – это стены цвета магнолии и белый потолок. Насытившись, мы лежали в объятиях друг друга, слушая песенку «Обезьянка отправилась на небеса» группы «Пиксиз». Песенка играла снова и снова, потому что нам было лень подняться с кровати и сменить кассету. Я спросила Джеймса, когда он пригласит меня к себе. Словно туча омрачила его лицо, и он ответил:

– Надеюсь, что никогда.

Когда я спросила, что значит это «никогда», Джеймс пожал плечами и пошел в туалет. Когда он вернулся, я рассмеялась, потому что мы заговорили уже совсем о другом. И да, я легко переключилась с темы на тему, как обычно. Но в следующий раз я не сдамся без боя...

Глава 5

– Кейша Мэлли?

Оли тянется за бисквитом и кусает его. Только десять минут назад он вернулся домой и почти опустошил коробку с шоколадными пирожными.

– Подтянутая чернокожая девушка? Да, я, кажется, ее знаю, она с Дэнни.

Три дня прошло с того случая в больнице, но я все еще прокручиваю его в мыслях. Что Кейша имела в виду, сказав «она мне доверяла, она думала, что я ее лучшая подруга, и теперь посмотри, что случилось»? Мы с Брайаном разговаривали о произошедшем всю дорогу домой и потом еще часами ночью, но так ни до чего и не докопались. Мне понадобилась вся моя выдержка и твердая рука мужа, не пускавшая к телефону, чтобы не позвонить Оливеру прямо посреди ночи и не узнать номер Дэнни, а потом связаться Дэнни и задать кучу вопросов...

– Шарлотта когда-нибудь упоминала Кейшу? Говорила, что та – ее лучшая подруга?

– Кейша? Ее лучшая подруга? Ты меня разыгрываешь? А как же Элла? Они были не разлей вода. – Оливер приподнимает бровь. – Или они успели разбежаться?

Я трясусь головой.

– Не знаю, Шарлотта никогда не говорила, что они с Эллой поссорились, но как же тогда... – я замолкаю. В этот момент только и осознаю по-настоящему, что я далеко не все знаю о жизни дочери.

У Оливера меняется выражение лица.

– Немного необычно, не правда ли? Пятнадцатилетняя Шарлотта и девятнадцатилетняя Кейша – лучшие подруги? Или у девочек возраст – не преграда?

– Не знаю, не знаю, – я опять пожимаю плечами. – Но зачем, с другой стороны, Кейше врать?

– Не забывай, она – женщина, а все женщины немного чокнутые! – Оливер смеется, но потом у него становится виноватый вид. – Прости, Сью, подцепил манеру от знакомых ребят.

– Оливер Джеймс Джексон, – Брайан рывкает прямо с крыльца. – Ты снова хочешь довести мать до ручки?

Брайан посылает Оливеру железный взгляд, но губы его непроизвольно растягиваются в улыбке, и вот он уже забывает о недоразумении.

Но Оливер держит удар:

– Старик, зато у тебя выходной по этой части!

– Ага! – Брайан пересекает кухню и слегка бодает Оливера, проходя мимо него. – От старика тебе спасибо!

Я с радостью умиляюсь на то, как муж и сын в шутку разыгрывают роли отца и сына. Ну вот обменялись оскорблениями, померились силами, пошутили шутки, теперь можно и поулыбаться. Обожаю наблюдать за ними, но какая-то темная, ненавистная мне часть меня в эти моменты пылает ревностью. Между ними близость, о которой я могу только мечтать, которой у нас с Шарлоттой нет. Когда она родилась, когда я впервые взяла ее на руки, в голове роилась тысяча фантазий, я мечтала о будущем – как, например, мы вдвоем ходим в магазин за обувью, шепчемся, пока делаем маникюр в салоне, воркуем за просмотром голливудских фильмов или просто сидим за кухонным столом, болтая.

Но так не было никогда за все пятнадцать лет.

До того как Шарлотте исполнилось одиннадцать, я для нее была кумиром, но потом что-то серьезно изменилось. Вместо того чтобы прибегать из школы воодушевленной и рассказывать мне обо всем, случившемся за день, Шарлотта стала замкнутой и молчаливой. Вместо того чтобы вдвоем валяться на софе и смотреть очередную серию «Скуби Ду», Шар-

лотта предпочитала закрыться у себя в комнате с ноутбуком и сотовым телефоном. Смотрит букой, стоит мне только на секунду просунуть голову в дверь и предложить чашку чаю, например. Брайан пытался уверить, что это совершенно нормально, что Шарлотта просто взрослеет. Он приводил в пример его отношения с Оливером, рассказывал, как сын был точно таким же в переходном возрасте. И, хотя я не сказала бы, что они этот возраст до сих пор преодолели, их сложности все же ограничивались вопросами карманных денег (Оливеру постоянно не хватало средств). У нас с Шарлоттой были сложности иного порядка.

Она отказывалась говорить со мной, и именно поэтому я купила ей ее первый дневник. Я решила, что это даст ей возможность делиться новыми, необычными для нее чувствами, – даже теми, что она испытывала ко мне, – никого не смущая.

– Не правда ли, Сью? – Оливер уже несколько минут что-то говорит, но я отвлеклась. – Ты вообще меня слушаешь?

– Прости, я прослушала, – я смотрю сначала на Оливера, потом на Брайана, потом опять на Оливера. – Что такое?

– Папа только что пошутил. Ну... – Оливер смешно двигает бровями, – он как бы думает, что пошутил, а я хотел тебя вовлечь в наш разговор, потому что... – он замолкает и смеется, видя, что я побледнела.

– Сью спрашивала тебя о Кейше? – интересуется Брайан, чтобы наконец уже сменить тему разговора.

Оли кивает, он как раз доел последнее пирожное и не может ничего проговорить с набитым ртом.

– Да, – говорю я. – Оли ее знает, она подруга Дэнни, но вот Шарлотта о ней никогда не упоминала.

– М-да, – Брайан тянется к пустой тарелке, относит ее в раковину и возвращается к столу. – А о том, что разбежалась с Эллой, Шарлотта ничего не говорила? Были какие-то подробности или, может, недовольство с ее стороны?

Оли отрицательно качает головой.

– Шарлотта редко писала мне эсэмэс, почти ничего не рассказывала о своей жизни. Обычно она обращалась ко мне, если ей нужен был совет или... – Оливер прервался.

– Или что? – мы с Брайаном спросили синхронно.

Оли заерзал на стуле.

– Или если ей что-то надо было купить по Интернету.

Мы с Брайаном обменялись многозначительными взглядами.

– А что она покупала через Интернет? – спросил Брайан.

– Да ничего особенного, пап! Билеты, подписки на журналы, что-то на Ebay – в общем-то, что нельзя купить без кредитки или счета на PayPal.

Я блуждаю взглядом по комнате, ничего конкретного не ища, просто пытаюсь осмыслить, что сейчас говорит нам Оливер. У Шарлотты был собственный ноутбук и мобильник, но мы не решились открывать на ее имя кредитку, пока ей не исполнится шестнадцать. Мы давали ей деньги раз в месяц. Если то, что говорит Оливер, правда, тогда понятно, почему ей стал приходить по почте каждые две недели журнал «Хит-мэгэзин». Я снова смотрю на Оливера. Я слишком ошарашена его рассказом, чтобы разозлиться за то, что он помогал сестре совершать покупки через Интернет, не предупредив об этом нас.

– А было что-то странное или необычное, что она попросила тебя купить, перед тем, как случилась авария?

– Да нет, как я и сказал, она покупала билеты и фотографии знаменитостей с их автографами, ну и вроде того. – Оливер хочет что-то взять со стола, но потом вспоминает, что пустую тарелку из-под бисквитов уже убрали. Морщинка пролегает между его бровями.

– Что такое? – спрашивает Брайан.

Оливер смотрит сначала на него, потом на меня. Губы его дрожат, словно он собирается что-то сказать, но не решается.

– Да что такое наконец?

Теперь я тоже начинаю раздражаться.

– Оливер, ты можешь рассказать нам все, мы не будем тебя ругать и сердиться, я обещаю, – я говорю, кажется, убедительно. Но это я не буду сердиться и ругать, а вот Брайан... он сидит на самом крае стула, локтями уперся в стол, смотрит на сына не моргая.

– Я... – Оливер не выдерживает взгляд отца, отводит глаза.

– Ну, прошу тебя, – говорю я, – я могу помочь...

– Ладно, – Оливер садится поудобнее, кладет руки на стол, а на них – подбородок. – Ладно, – он снова на секунду замолкает, чтобы прокашляться, но если он промедлит чуть дольше, я просто взорвусь. – Шарлотта просила меня оплатить номер в отеле для нее и Лиамы.

– Она ЧТО?!!

Милли, всегда особенно чувствительная к настроениям Брайана, вбегает в комнату с крыльца и немедленно кладет мужу голову на колени. Смотрит на него преданными глазами и этим напоминает Кейшу, которая точно так же смотрела на Дэнни.

– Шарлотта сказала, что не хочет терять девственность в машине на заднем сиденье или на футбольной площадке, за школой, как почти все делают...

– Номер в отеле?

У Брайана краснеет шея.

– Ей же, черт возьми, всего пятнадцать лет, о чем она вообще думала? Если ты, мать твою...

– Да я ничего не успел сделать, пап! – Оли даже поднимает руки вверх в знак примирения и самозащиты. – Клянусь, я не сделал бы ничего такого!

По тому, как он напуган, я уверена, что он говорит правду.

– А чего ты раньше нам не сказал обо всем этом? – спрашиваю я.

– С чего бы мне вам об этом говорить?

– Да хотя бы потому, что твоя пятнадцатилетняя сестра собиралась заняться сексом с ее семнадцатилетним дружком в номере какого-то отеля! – Брайан сполз со стула, повис на руках над столом, костяшки пальцев побелели.

– Брайан, прошу тебя, – я хочу успокоить мужа, но он не слышит, приходится еще раз позвать его по имени. – Прекрати кричать, Оливер ни в чем не виноват!

Тут оба они – Оливер и Брайан – оборачиваются, чтобы посмотреть на меня. Словно они только что заметили, что нас трое.

– Прости, дорогая, – Брайан еще зол, это чувствуется по голосу, но он садится на стул, потирая шею. Закрывает глаза. Потом снова открывает их и пожимает мою руку. – Прости, Сью.

Он смотрит на Оливера. Щека у него дергается, губы сжаты в гримасе раскаяния.

– И ты, сын, прости, просто я так всем этим удивлен...

Оливер ничего не отвечает, только пожимает плечами, – он взрослеет и умнеет.

Я накрываю руку супруга своей:

– Я знаю, Брайан.

Брайан смотрит мне в глаза.

– Сью, кажется, ты не очень удивлена всем этим.

– Не очень, ты прав, – я глажу его руку, – я читала дневник Шарлотты и в курсе их с Лиамом отношений.

Брайан хмурится.

– Она вела дневник? И когда ты об этом узнала?

– Сегодня утром, – соврала я.

Брайан выпрямляется. Если он как-то замешан в том, что произошло с Шарлоттой, то ведет себя странно – совершенно спокоен, не волнуется, что я могла что-то прочесть в дневнике дочери?

– И это как-то... – он подается вперед, – как-то объясняет, почему она хотела себя...

Он не может заставить себя произнести слово «убить», даже боится подумать о том, что наша дочь была столь несчастной, решив покончить с собой и не длить больше муку. И я могу разделить его чувства, совершенно точно могу.

– Нет, – говорю я и вижу, как муж успокаивается.

Разумеется, это снова ложь, но я не могу рассказать ему правду о дневнике, пока не буду на сто процентов уверена, что он никак не замешан в произошедшем, что «секрет» Шарлотты не связан с ним. Именно сейчас я не знаю, кому верить.

– А мне можно взглянуть на этот дневник? – просит Брайан.

Когда я удивленно приподнимаю брови, он поспешно качает головой.

– Нет-нет, конечно, ты права, как всегда права. Шарлотта даже в коме заслуживает того, чтобы мы уважали ее право на личную жизнь. Но... – Брайан замечает Оливера, который изучает его и меня взглядом, потому что мы впервые при нем обсуждаем аварию, в которую попала Шарлотта. Видимо, декорация благополучия совершенно разрушилась, и Оливер наконец увидел истинное положение дел.

Брайан сутулится, сидя на стуле, мы все погружаемся в молчание, и я таращусь на крошки, разбросанные по скатерти.

Я не удивилась, когда прочла вступление к дневнику Шарлотты. Она писала, что больше всего на свете хочет потерять девственность с Лиамом, но она была и воодушевлена, и напугана одновременно. Я была этим тронута, но особого значения не придавала. И, разумеется, не связала это обстоятельство с ее возможным «секретом», о котором она упоминает в последней записи дневника. Я думала, «секрет» связан с Брайаном, но вот сейчас, когда Оливер рассказал про затею с номером в отеле...

Переводя взгляд с тарелки на Милли, я вижу, как она уже перебралась на мое колено и тихо посапывает на нем. Похоже, нам стоит прогуляться – навестить Лиаму...

Воскресенье, 30 сентября 1990

Вчера вечером Джеймс наконец-то признался мне в любви, спустя четыре недели после того, как мы сходили на первое свидание. Он привел меня в пафосный мексиканский ресторан в Камдене – там все столики светились от расставленных на них мерцающих свечей. Атмосфера была интимной, по углам я не заметила ни одного засохшего кактуса, как это иногда бывает в мексиканских ресторанах. Я старалась есть фахитос так, чтобы не забрызгать все вокруг себя, но чем усерднее я пыталась найти правильный угол наклона этой вкусной лепешки по отношению ко рту, тем больше содержимого вываливалось с другого ее конца и тем больше меня это веселило. Но когда я посмотрела на Джеймса, то поняла, что выражение его лица было чрезвычайно серьезным.

Возможно, за моей спиной случилось что-то ужасное – и я обернулась туда, чтобы тоже увидеть это, но нет: по улице за окном точно так же, как всегда, ехали машины и сновали люди.

Тогда я отложила лепешку, я уже не была голодна, доедать ее почему-то расхотелось.

– Джеймс, что с тобой?

Поерзав на стуле, он ответил немногословно:

– Со мной – ты.

– А со мной что-то не так?

– Ты – самая невероятная женщина из всех, кого я встречал в своей жизни!

Он смотрел, не моргая, губы вытянулись в прямую линию, руки прилежно сложились на коленях. Я чувствовала, как он не просто разглядывает мое цветастое красное платье, черные бусы и кудрявые волосы, – а смотрит внутрь, забираясь, кажется, в самые мои мысли.

– Я люблю тебя, Сьюзи, – сказал он. – Никого так не любил, как тебя, и это пугает меня, любить кого-то так – страшно. Не могу спать, есть, думать, – ты занимаешь все мое существо. Едва могу работать и играть. Я почти утратил понимание того, кто я есть, и это пугает меня до чертиков, но и сбегать от тебя я не в состоянии, потому что... я люблю тебя. Я просто не смогу без тебя.

Он внимательно смотрел мне в глаза, ожидая реакции на только что сказанное. Я ни разу до этого не видела его таким обеспокоенным. У меня на лице появилась какая-то отчаянная улыбка, я понимала, что вряд ли даже самая бурная и искренняя радость с моей стороны поможет ему прийти в себя, так сильно он был взволнован. Поэтому я просто взяла его ладони в свои. Он сжал мои пальцы в ответ.

– И я тебя люблю, Джеймс. Но еще ни разу в жизни я не чувствовала себя столь напуганной и уязвимой. Понимаешь, я сняла оборону, и теперь ничто не помешает тебе причинить мне боль, если ты решишь это сделать...

– Я никогда не заставлю тебя страдать, Сьюзи-Сью. – Он отпустил мою руку, чтобы погладить по лицу. – Никогда. Лучше я причиню боль себе, чем позволю тебе испытать ее.

По его лицу потекли слезы, но Джеймс тут же резким движением утер их.

– Давай просто уйдем отсюда, – он эффектно бросил на стол мятые купюры, – поедem к тебе, поставим какую-нибудь музыку, завалимся в постель и забудем на весь мир.

Я не могла и подумать об ином развитии событий.

Глава 6

Я не пошла прошлой ночью домой к Лиаму: как только я под безобидным предлогом (выгулять Милли) собралась покинуть дом, Брайан сорвался с места и исчез где-то в холле. Вернувшись пару минут спустя, он уже был одет в свой всепогодный пиджак и держал в руке поводок Милли, готовый пойти вместо меня. Попрощавшись с сыном самым коротким словом из возможных – сказав «Пока!», – Брайан ушел, хлопнув входной дверью. Оливер и я очень удивились такому поведению. Я предложила ему выпить чашечку чаю, съесть еще несколько бисквитов, но он отрицательно покачал головой, объясняя, что уже и так поздно, а ему еще надо успеть в Лестер. Теперь я смотрю на часы в кухне. Кажется, Брайан уже вечность как ушел на работу, но сейчас только без десяти девять. Если Лиам хоть чем-то похож на Оливера, то он сейчас, должно быть, спит сладким сном. Я ставлю чашку кофе на стол и встаю. Возможно, если я проделаю долгий путь к его дому, то наконец-то проснусь. Успею к половине десятого, если срежу дорогу через парк. Нет, я передумываю, стоит мне только войти в комнату с дедушкиными часами. Надеваю пальто. Сначала надо позвонить. Что-то не так – снимаю пальто. Надо не позвонить, а послать сообщение. Тогда я не разбудю никого, если дома у Лиама спят. Но вот ведь незадача: у меня нет мобильного номера Лиама, только городской.

А вот у Шарлотты мобильный Лиама наверняка есть.

Я бегом взлетаю на второй этаж и вхожу в комнату дочери, но медлю в дверях. Где же ее мобильный? Я не видела его с момента аварии.

Две недели после того, как Шарлотту госпитализировали, я не заходила в ее комнату, не трогала ее вещи – даже испачканные тушью ватные диски так и остались валяться на ее туалетном столике, грязные лифчики и трусы запахнуты под кровать, а по полу разбросаны журналы. Я рассудила, что сильно расстроюсь, если уберусь в этой комнате – словно вымету все следы присутствия моей дочери. А если она никогда не проснется?.. Покажется глупым со стороны, но я была в шоке, – чем еще объяснить, что я не заметила ее телефон в чистой пластиковой сумке, в которой лежали и другие вещи Шарлотты, которые отдала мне медсестра?

Ну да, это был обычный набор вещей: кошелек, косметичка, расческа, но телефона там не было. Почему? Ведь подобно большинству подростков Шарлотта была очень привязана к телефону, буквально не выпускала его из рук.

Недели через три после аварии шоковое состояние наконец слегка прошло, а желание оставить в комнате Шарлотты все, как есть, окрепло. Беспорядок я воспринимала не как просто беспорядок, а как знак того, что Шарлотта не умерла, а просто заболела и с минуты на минуту может сюда вернуться. И именно тогда я нашла дневник.

Я открываю двери стенного шкафа, роюсь в ее вещах. Там есть кое-что, что я никогда раньше не видела: жакет от Вивьен Вествуд и платье (должно быть, очень дорогое) с ярлыком, на котором красуется монограмма VB (Виктория Бекхэм, вероятно?), я перекидываю платье через руку, но тут же вижу еще кое-что: пару джинсов фирмы «Дизель». Надо перекинуться с Оли парой слов, когда в следующий раз его увижу.

Закрываю двери шкафа. Вспоминаю, что водитель автобуса ничего не говорил о мобильном телефоне, да и никто из свидетелей о нем не упоминал, а учитывая то, что полиция тут же оцепила место происшествия, этот телефон могли просто не заметить, валяясь он сломанный рядом.

Или Шарлотта куда-то его спрятала. И если так, то ей было что скрывать, да?

Открываю контейнер для носков и роюсь в нем. И там тоже ничего. Я достаю какие-то папки и тетради, просматриваю их. Телефона нет. Его нет ни в ее обуви, ни на полке за

книгами. Снова берусь за контейнер для носков, разворачиваю каждую пару, но ничего не нахожу. Минут пятнадцать-двадцать трачу на то, чтобы осмотреть буквально все в комнате – вывернуть наизнанку каждый ящик и сумку, но в итоге – НИЧЕГО.

Где же ее мобильный?

Забираюсь под подушку Шарлотты – там лежит ее дневник, достаю его, пролистываю. Я читала его, наверное, десять или пятнадцать раз, но «секрет», который хранила Шарлотта, она ему не доверила. Она делилась на страницах дневника другими заботами и ожиданиями – например, писала о весе, беспокоилась о том, как переспит с Лиамом, о результатах экзаменов, мечтала, кем будет работать и какую сделает карьеру, – но ничего сверх этого, ничего глобального. Ничего о том, что могло бы стоить ей жизни.

Закрываю дневник и засовываю его обратно под подушку. В нем ответов на мои вопросы нет, возможно, они есть у Лиамы.

* * *

Уайт-стрит пустынна, только какой-то грязно-рыжий дюжий парень освистывает нас, когда мы идем. Я была возле дома Лиамы много раз, но едва ли заходила внутрь. Обычно я оставалась в машине, не выключая двигатель, пока Шарлотта бегала обниматься со своим приятелем, а потом отвозила их в боулинг или в кино. Она никогда не оставалась вечером с ним наедине, а он никогда не оставался у нас, но как-то раз я сказала ей, что если их с Лиамом сердечная привязанность продлится до ее шестнадцатилетия, то я сама схожу с ней к доктору, чтобы тот прописал ей правильные контрацептивы. И когда мы с ее отцом будем уверены, что она в безопасности, мы как-нибудь вечером уйдем, чтобы Шарлотта могла остаться с Лиамом вдвоем. Мне казалось, что я крайне убедительна в своих доводах, – или, как говорит Брайан, до чертиков либеральна, – но Шарлотта в ответ на мое предложение заявила, что это – самая чудовищная вещь, которую она когда-либо слышала. А потом добавила, что если мы хотим узнать, переспала она с Лиамом или нет, то позаботится о том, чтобы заранее дать объявление в одну из местных газет.

Я открываю ворота голубого дома под номером пятьдесят пять. Палисадник выглядит мило: клумбы выкрашены в яркие цвета, не видно ни одного сорняка. Клэр – мама Лиамы – должно быть, очень занята. Ах, что бы я дала за то, чтобы и мои пальцы были сейчас зелеными от травы, – мне бы ее заботы!

Вежливо стучу во входную дверь. Занавески в гостиной плотно задернуты, но за ними двигается чья-то тень, кто-то в доме все же есть. Я снова стучу, на сей раз – громче, и слежу за занавесками. Через минуту занавески расходятся, и на меня смотрят два прозрачно-голубых глаза. Они медленно моргают, глядя на меня. Слышу, как скрипит дощатый пол, а потом распахивается дверь. Лиам Хатчинсон, семнадцатилетний дружок Шарлотты, стоит прямо напротив меня, и на нем не надето ничего, кроме тельняшки и боксеров. Кажется, он смущен, и я немного улыбаюсь.

– Привет, Лиам.

Он кивает.

– Миссис Джексон, добрый день.

– Можно войти? У тебя есть несколько минут поговорить со мной?

* * *

Странновато себя ощущаю, сидя в гостиной Хатчинсонов. Никогда тут не была, и не могу перестать глазеть вокруг себя, рассматривая и буквально впитывая взглядом необычные литографии на стенах, разбросанные в определенном цветовом порядке диванные

подушки и дорогуший с виду огромный ковер, устилающий пол перед настоящим викторианским камином.

Лиам привалился на диван с другой стороны комнаты, широко развел колени. Вероятно, ситуация кажется ему странной, и он недалек от истины. Когда он впустил меня в дом, то тут же кинулся наверх и через пару минут вернулся уже одетый в джинсы и порванную толстовку черного цвета. И так мы сидели, глядя друг на друга уже несколько минут, и ни один из нас не проронил ни слова. Я сотню раз прокручивала в голове, что скажу ему при встрече, но вот теперь, когда момент настал, во рту вдруг пересохло.

– Ты... – я кое-как начала говорить, – ты, наверное, удивлен, что я пришла.

Он пожимает плечами:

– Вероятно, что-то насчет Шарлотты?

– В общем, да. Ты приезжал ее навестить? Удивлена, что мы ни разу не пересеклись в больнице.

– Не-а, – Лиам берет в руки легкое покрывало золотого со слоновой костью цвета и начинает выдергивать из него нитки, одну за другой бросая их на пол. Мама приберется, когда придет домой. – Я к ней не поехал, не думал, что меня хотят видеть.

– Правда? – я придвигаюсь поближе к Лиаму. – Потому что ты не родственник? Но это не препятствие, друзьям семьи можно туда проходить, и... – я тепло улыбаюсь, – а ты больше, чем просто друг, не так ли?

Лиам ерзает на стуле.

– Ничего такого.

– Прости, я имела в виду, что ты ее бойфренд...

– Говорю же вам, ничего такого.

Я хмурюсь, вероятно, я просто ослышалась.

– Извини, я правильно тебя расслышала? Ты только что сказал, что...

– Правильно. Мы больше не пара. – Лиам отворачивается, кажется, ему тяжело говорить. – Шарлотта бросила меня.

– Не может быть!

Не могу в это поверить. Шарлотта прекратила отношения с Лиамом? Вот так вот просто взяла и прекратила? Я, признаться, думала, что если кто-то из них двоих и устанет от отношений через некоторое время, то это будет Лиам. Шарлотта видела в нем идеал. Высокий, темноволосый, на два года старше ее, симпатичный (чего стоит одна падающая на глаза челка!), носит бандану, – Шарлотта просто «запала» на него год назад, когда один из его друзей пересекся с одним из ее друзей в школьной столовой, чтобы передать Шарлотте, что Лиам положил на нее глаз.

Но она ведь ни единым намеком не дала понять, что у нее в отношениях с Лиамом кризис. Хотя... я перевожу взгляд с Лиам на каминные часы, их тиканье отвлекало от происходящего, наполняя комнату звуком... и время как будто остановилось.

За три недели до аварии – в субботний полдень – Шарлотта только вернулась из города, ездила за покупками. Я сидела в гостиной, читала и слышала, как дверь на крыльцо открылась. Я позвала дочь, интересуясь, купила ли она что-то симпатичное, но Шарлотта меня проигнорировала. Больше я не спрашивала, но приглядывала за ней через открытую дверь. Секунду спустя Шарлотта взлетает вверх по лестнице, белая как полотно. Я зову ее, пытаюсь понять, все ли в порядке, но вместо ответа слышу, как хлопает дверь спальни. Я приподнимаюсь с софы, не понимая, что мне делать. Шарлотта – не избалованный ребенок, и особенно это видно, когда она расстроена. Обычно она не позволяет мне ее обнять и отдергивает руку, если я ее ненароком коснусь. Она явно в стрессе, так ведут себя все подростки. Стоит пару минут постоять у выхода из школы и понаблюдать за ними, чтобы убедиться в этом.

Шарлотте, чтобы закончить школу нормально, приходилось заниматься даже по выходным, ей помогал ее учитель.

Я села обратно на софу и позже ночью спала плохо. Снова снились старые кошмары, и меньше всего мне хотелось выяснять отношения с пятнадцатилетней девочкой. Она знала, где я, – поэтому я взяла книгу и начала читать с того места, где прервалась.

* * *

– Вы порвали в субботу? – спрашиваю я у Лиамы. – Около девяти недель назад, верно? Он рукой проводит по лицу.

– Нет, это было... – он затрудняется назвать срок, видно, что борется с собственными эмоциями. – Нет, мы порвали как раз накануне аварии.

– Почему? – я вся подаюсь вперед, руками обхватываю колени. Почему я раньше не пришла к Лиаму и не поговорила с ним? Как будто с момента аварии пребываю в каком-то тяжком обмороке и только сейчас начинаю приходить в себя. Вероятно, разрыв с молодым человеком и стал причиной, по которой она бросилась под автобус. Никогда сердечные отношения не причиняют такую боль, как в юности. Тебе кажется, что небо падает на голову и ты никогда снова не полюбишь. Или тебя не любят. Правда, ни о чем таком Шарлотта в дневнике не писала.

Лиам встает, пересекает комнату и берет гитару со стойки, которая расположена рядом с книжным шкафом. Потом садится обратно на диван и берет несколько аккордов.

– Лиам? – Напоминаю ему о себе, потому что он словно забыл, что я в комнате. – Почему Шарлотта порвала с тобой? Как она это объяснила?

Лиам смотрит на меня пустым взглядом.

– Когда она порвала с тобой, то как себя вела?

Лиам вздрагивает и говорит:

– Понятия не имею. Меня там не было.

– Не поняла?

Он смотрит на гитару, наигрывает еще несколько аккордов, потом прижимает струны ладонью, гася звук, и переводит взгляд прямо на меня.

– Она бросила меня, написав эсэмэску.

Я чувствую, что Лиам не хочет обо всем этом говорить. Желает, чтобы я поскорее ушла. Но я не могу.

– Что она написала? В той эсэмэске? Если ты, конечно, не возражаешь, что я спрашиваю.

– Она была немногословна. – Лиам лезет в карман брюк и бросает мне что-то маленькое, черное, пластиковое. Оно падает на диван рядом со мной, а Милли делает стойку, заметив этот бросок. Телефон Лиамы. Я смотрю на Лиаму, и он кивком дает понять, что все о'кей, что я могу залезть в его телефон и посмотреть своими глазами. После этого возвращается к своей гитаре.

Открывается сообщение от Шарлотты. Я читаю и удивленно поднимаю взгляд на Лиаму.

– И все?

Он кивает.

Я перечитываю эсэмэску.

«Все кончено между нами, Лиам. Если ты меня любишь, то больше не побеспокоишь».

– Лиам, а ты спрашивал ее о причине?

Но Лиам не отвечает. Он рассматривает ковер, притоптывая по нему. Топ, топ, топ.

– Лиам? Ты меня слышишь?

– Что? – Он даже не поднимает на меня глаз.

– Ты с ней после этого общался?

– Конечно, – Лиам делает движение, как будто собирается поставить гитару на пол, потом передумывает. Снова прижимает к груди, щекой прижимается к грифу. – Вы же не получали эсэмэску, в которой вас бросают, и потом не названивали, чтобы узнать, что черт подери произошло, так ведь? Так не делают, если все еще любят.

Милли утыкается мне в ногу и сопит.

– Что сказала Шарлотта?

– Ничего не сказала, – Лиам смотрит прозрачным взглядом, как будто выбыл из этого раунда. – Она бы не ответила на звонок, а я ей писал, писал километры эсэмэсок, но она все молчала. – Он трясет головой, осознавая, что я хочу его спросить. – Понимаю, миссис Джексон, что она ваша дочь, но я не заслужил такого обращения. Не заслужил, чтобы меня бросили эсэмэской без всяких объяснений, а потом игнорировали, словно я, мать вашу, вообще не существую...

У меня сердце рвется на части. Часть меня тянется навстречу Лиаму, чтобы обнять его и хотя бы частично разделить с ним боль. Другая часть хочет спросить, спорили ли они, сделал ли он что-то, что могло бы заставить Шарлотту бросить его, вот так вот резко бросить. В итоге я решаю не делать ничего – не обнимать, не спрашивать. Кажется, Лиам сейчас заплачет, не хочу расстраивать его еще больше, не должна этого делать, если хочу еще хотя бы раз с ним поговорить. Поэтому встаю и дергаю Милли за поводок, чтобы и она поднялась.

– Прости нас, Лиам, – говорю ему, – я и понятия не имела, Шарлотта вообще ни словом не обмолвилась.

Парень тяжело вздыхает, скрещивает руки на груди и отворачивается, давая понять, что разговор окончен.

И только на полпути домой я понимаю, что не выяснила одно обстоятельство, которое хотела, когда шла к Лиаму. Я не спросила, был у них секс или нет. И теперь уже никак не вернешься и не постучишь вот так запросто в дверь, – Лиам точно не в том состоянии, когда согласился бы об этом говорить. Не знаю, что побудило Шарлотту сделать то, что она сделала, но даже для подростка поступок жестокий. А что, если Лиам сделал что-то и заслужил такое обращение? Иной раз требуется разорвать отношения так тихо и аккуратно, как только можешь.

– Ну вот, Милли, мы и дома! – говорю я собаке и вставляю ключ в замок, поворачиваю его, распахиваю дверь. – Дом, милый дом.

Голос застревает в горле. На коврике у двери лежит открытка, картинкой вверх. Я начинаю дрожать и все же наклоняюсь, чтобы поднять ее.

– Остановись, Сю, – говорю себе, – перестань так сильно дрожать, это просто открытка.

Но как только я беру ее в руки и читаю, у меня в ушах звенит. Зрение затуманивается, я хватаюсь за дверной косяк, с трудом моргаю, чтобы прогнать белые снежинки, которые появились в глазах. Но понимаю, что слишком поздно. Сейчас я упаду в обморок.

* * *

Пятница, 13 октября 1990 года

Спустя примерно две недели с тех пор, как Джеймс сказал, что любит меня (и в подтверждение этого мы провели почти весь уик-энд, не вылезая из постели), я так еще и

не попала к нему домой. Все, что я знала о его доме, это то, что там три спальни и терраса, что расположен он возле Вуд Грин. Хеллс уже беспокоилась. Она говорила, что, если парень за шесть недель, пока ты с ним встречаешься, не позвал тебя к себе домой, шел бы он лесом. Значит, ему есть что скрывать. А я отвечала ей, что мне как-то нет до этого дела, что ночевать в отелях было для нас приключением, а оставаться у меня спокойно и естественно, но она-то все равно чувствовала, что я несую чушь. Просто если ты с кем-то дружишь с десяти лет, ты ему так легко мозги не запудришь.

– А тебе в голову не приходило, что он может быть женатым? – как-то спросила Хеллс за завтраком.

Я призналась, что, да, приходила эта мысль, но кольца на пальце он не носил, никогда не юлил и ни разу – вообще ни разу! – не обмолвился ни о жене, ни о детях. Даже о том, что у него до меня была подруга, ничего не говорил. А я ему все рассказала о Натане, даже о Руперте и о том, что мы с Рупертом по пьянке переспали, пока еще были студентами, и это все было задолго до того, очень задолго, когда я познакомила Руперта с Хеллс и они начали встречаться. Но вот Джеймс ни разу даже не упоминал женского имени. Хелен считала, что это странно, что его скрытность означает лишь одно: ему есть что прятать. Я же настаивала на том, что некоторые люди особенно пекутся о своей личной жизни и никого туда не пускают, а прошлое вообще предпочитают не вытаскивать на свет.

– И что теперь? – спросила Хеллс. – Он что, сбежал из тюрьмы? Или как?

Мы обе засмеялись.

– А может, – она просияла, – он все еще живет с родителями?

Тут я смеяться перестала. Предположение Хеллс не было таким уж неправдоподобным. Джеймс продолжал сбегать из моей квартиры в самое детское время, объясняя это тем, что ему нужно переделать кучу вещей, и как бы я его ни допрашивала, он не выдавал никаких подробностей, продолжая говорить, что должен заниматься скучными делами и что мне все это вряд ли будет интересно.

– Ну сто пудов женатый, – Хеллс вынесла вердикт. – Почему бы еще он срывался с места и не говорил тебе, куда именно идет и что будет делать?

Перед тем как Хеллс пошла обратно на работу, она взяла с меня слово, что я перестану ходить вокруг да около и потребую у Джеймса, чтобы он отвел меня к нему домой, или пообещаю расстаться с ним. Я вообще-то говоря не была настроена ставить ультиматумы, но пообещала Хеллс, что поговорю с Джеймсом завтра во время обеда. Уверена, что причиной всему какая-нибудь мелкая ерунда. Но почему мне тогда так плохо?

Глава 7

Сажусь на ступеньку крыльца. Одна щека прижимается к холодной плитке стены, вторая – какая-то слишком... влажная. Поднимаю взгляд и вижу, что надо мной склонилась Милли, большими карими глазами она смотрит на пустую миску в углу крыльца, высунула язык, и с него капает слюна. Она замечает, что я ее разглядываю, и словно улыбается мне, собираясь облизать щеку.

– Привет, Милли, – я сижу тихо, стараясь не шевелиться и проверить, все ли в порядке, не поранилась ли я. Кажется, ничего не сломала, но левый висок болит, думаю, у меня там синяк. Соображаю, что, скорее всего, потеряла сознание и упала, но тут же замечаю на полу рядом с собой открытку и вспоминаю, что случилось. На открытке изображена сцена из фильма «Харви»: Джеймс Стюарт сидит на ступеньке, а за его спиной видна тень огромного кролика, его невидимого Друга. Открытка сама по себе, конечно, может ничего и не значить, на ней даже нет адреса. Только почтовый штамп: Брайтон. И указан адрес получателя. Мой адрес.

Не то чтобы кто-то забыл написать адрес, спеша запихнуть ее в почтовый ящик, по ошибке. Так все объяснил бы Брайан, расскажи я ему об открытке. И муж обязательно при этом посмотрел бы на меня особенным взглядом, как бы говоря: ну что, скоро будет очередной приступ? Потом выбросил бы эту открытку в помойку, сказал, что все отлично и что я в безопасности. Только вот я не в безопасности. «Харви» – это любимый фильм Джеймса. Он говорил, что понимает характер героя. Вроде того, что «понимает, почему тот выбрал придуманный мир вместо реального, в реальном столько разочарований».

Мы смотрели этот фильм вместе бесчисленное множество раз.

Милли вздрагивает, когда я порывисто мну открытку, чтобы запихнуть ее под стойку для обуви. Если я не буду ее видеть, возможно, я не стану о ней думать. Может, мне даже удастся игнорировать тот факт, что спустя двадцать с лишним лет после нашего с Джеймсом расставания он захотел со мной связаться.

* * *

Изо всех сил пытаюсь выкинуть из головы открытку. Но это все равно что стараться забыть о том, как дышать. Стоит мне только на минуту отвлечься от привычных мыслей о Шарлотте, Брайане, о том, что приготовить на обед, как я сразу вижу крыльцо, мысленно заглядываю под стойку для обуви и достаю оттуда открытку. И вообще не имеет значения, где я в этот момент нахожусь. Мой разум загоняет меня в этот дальний темный уголок...

К двум часам дня я дохожу до ручки. Вытаскиваю измятую открытку из импровизированного пыльного тайника, сжигаю ее в камине, в гостиной. Сижу на софе, поглядывая на огонь, смотрю, как язычки пламени лижут края открытки, резвятся на улыбке Джеймса Стюарта, а потом быстро сжирают ее и его лицо заодно. Когда он и его странный кролик превращаются в пыль, я выметаю их из камина и выбрасываю в урну. Завтра приедут забирать мусор, и мне уже сейчас приятно думать, что этот пепел уедет от меня далеко-далеко.

Следующие пару часов я не нахожу себе места. Подскакиваю, если звонит телефон, вздрагиваю, если шумит ветер в почтовом ящике, и чуть не умираю от страха, когда в дверь стучит электрик, он хочет снять показания счетчика. Чую, как уютное одеяльце, которым я прикрывалась последние шестнадцать лет, сползает с меня. Злюсь. Я уже никакая не Сьюзи-Сью, я ею не была уже о-о-очень давно. Мне сорок три, и у себя дома я дрожать от испуга не собираюсь! Ни секунды больше! Положим, из-за открытки я перенервничала, но это все

потому, что она пришла, когда я не была к этому готова. Дочь в коме, ради всего святого! Но ведь открытка не обязательно должна быть закодированным посланием от Джеймса. Даже не знаю, о чем я думала, когда нервничала из-за нее. С нашего расставания прошло двадцать лет, возможно, открытка вообще была адресована Оливеру, а друзья, которые ее послали, просто не озаботились тем, чтобы написать его имя. Смешно было, конечно, жечь открытку и прятать ее пепел в урну. Мне надо взять себя в руки. Сконцентрироваться на поиске ответа на вопрос, почему Шарлотта сделала то, что сделала. И мне срочно нужно встретиться с Эллой.

* * *

Второй раз за день цепляю поводок к ошейнику Милли, веду ее прочь из дома. Она улыбается, рада снова прогуляться на свежем воздухе. Мы привыкли выгуливать ее только рано по утрам, поэтому весенняя прогулка в солнечный полдень для нее – сюрприз. В отличие от дома Лиам дом Эллы мне известен от и до. Точнее, был известен, пока Джуди, мать Эллы, дружила со мной – до тех пор, пока Джуди не отвезла наших дочерей проколоть уши, на тринадцатый день рождения Шарлотты, не посоветовавшись со мной. Возможно, я тогда погорячилась, сказала кое-что нелицеприятное, но сейчас по-любому поздно сводить счеты.

* * *

Джуди открывает дверь и хмурится.

– Сью?

Выдавливаю из себя улыбку.

– Привет, Джуди, как ты?

– В полном порядке.

Жду, когда она спросит, чего мне надо. Но вместо этого получаю долгий внимательный взгляд, которым Джуди меня ощупывает с головы (корни не покрашены и видны), задерживается на синяках под моими ненакрашенными глазами, скользит по моему выходному жакету от «Маркс и Спенсер» (особого впечатления он на Джуди явно не производит), останавливается на моих удобных коричневых слипперах от «Кларкс».

– Здорово, – говорю я настолько эмоционально, насколько вообще способна в ситуации, когда больше всего на свете хочется щелкнуть ее по ее же надушенному «Шанелью» носу. – А Элла дома, нет?

– Ты пришла к Элле? – Джуди, кажется, удивлена.

– Да, я хотела с ней поговорить о Шарлотте. Если ты, конечно, не против.

Лицо Джуди вытягивается, глаза сужаются в щипуре, на секунду (лишь на секунду!) некое подобие гримасы сострадания показывается на ее лице, но тут же исчезает. Думаю, она тоже слышала про то, что случилось с Шарлоттой.

– Хорошо, – говорит Джуди, выдержав паузу, – но прошу тебя покороче, Элле нужно готовиться к экзаменам.

Когда я согласно киваю головой, она разворачивается ко мне спиной и идет по направлению к холлу. При этом входную дверь она оставляет приоткрытой лишь на пару дюймов. Зовет дочь спуститься. В ответ Элла что-то кричит, дверь захлопывается прямо перед моим лицом. Через минуту или чуть дольше она снова приоткрывается, на порог выходит Элла.

– Привет, – говорит она и смотрит на меня с подозрением, прямо как ее мама только что.

– Привет, Элла, – улыбаюсь ей в ответ, но лицо сводит от столь неискренней гримасы, – можем недолго поговорить о Шарлотте?

Выражение на ее лице сменяется пугающе быстро. От подозрительности к гневу. Элла скрещивает тонкие обтянутые джинсами-скинни ноги и спокойно спрашивает:

– А с чего бы мне с вами об этом говорить?

Ну вот. Сначала Лиам, теперь Элла. Стоит мне только произнести имя дочери, как на всех вокруг словно грозовая туча спускается. Но мне плевать. Когда у них в классе готовили выпускной альбом, как раз перед экзаменами, в нем каждый писал о том, где будет через пять лет, и казалось, что Шарлотта – девочка, с которой будут дружить буквально все. Многие ей пророчили успех.

– С того, что вроде как друзья, – говорю я, подхватывая ее интонацию. – Хотя... – анализирую выражение лица Эллы, – ...хотя вы, может, и не друзья уже вовсе.

Элла изгибает идеально подведенную карандашом бровь.

– В точку, миссис Джексон.

– Ясно, – тяну с ответом, пытаюсь понять, как лучше всего завершить разговор. Элла ведет себя со мной почти так же, как Лиам, – немногословно и отстраненно. И все же...

– Шарлотта все еще в коме, – говорю я.

– Знаю. – Элла снова изгибает бровь, но в ее глазах проскакивает искорка, и это ее выдает. Элле интересно узнать подробности. Она хочет знать больше о своей бывшей подруге.

– Шарлотта дышит сама, без аппарата. Легкие приходят в норму, а это очень хороший знак.

Элла ничего не говорит.

– Мы перепробовали, кажется, все способы вернуть Шарлотту к жизни, вытянуть из затяжного сна, – продолжаю я, – говорим с ней о семье, о том, что делаем день ото дня. Брайан читает ей статьи из газет...

– Ну и скучно же ей, наверное, если она все это слышит...

– Согласна с тобой, – я вижу, как сквозь гримасу отвращения на лице Эллы проступает улыбка. – Лучше бы Брайан читал ей «Хит-мэгэзин» вместо газет, но мы до этого не додумались. Не уверена, что Брайан такой же поклонник сплетен о звездах, как Шарлотта.

У Эллы вытягивается лицо, словно она воочию видит, как мой муж читает «Хит-мэгэзин».

– В любом случае, – продолжаю я, – Оливер поддержал нашу идею, мы хотим поставить Шарлотте ее любимую песню. Он сказал, что видел, как в кино это помогает вернуть людей к жизни и что под любимую музыку герои выходят из комы.

Все черты лица Эллы сияют при упоминании имени моего приемного сына. До недавнего времени она и Шарлотта как тени следовали за Оливером и Дэнни. У меня есть догадка, что эти мальчики были первыми объектами влюбленности двух девочек.

– Правда? – Элла вскидывается.

– Ага, – говорю я, – просто хотела спросить, не поможешь ли ты. С песней. Я не очень в теме относительно того, что любила слушать Шарлотта.

– Понятно, что не в теме.

Что-то в тоне, каким это было сказано, натолкнуло на мысль, что я «не в теме» относительно гораздо большего количества обстоятельств, нежели только коллекции любимых записей MP3 Шарлотты. Какие еще секреты хранит она? Чего я не знаю о ее жизни? Мне начинает казаться, что я едва ли знаю собственную дочь.

– Итак... – я достаю блокнот из сумки. – Можешь назвать хотя бы...

– «Кто-то вроде тебя» Адель.

– Отлично! – я вообще-то говоря слышала об этой песне. По «Радио-2» постоянно крутят ее. – А еще какая-нибудь?

Элла пожимает плечами в сомнении.

– Это ее любимая, но ей еще очень нравится «Люблю, как ты врешь» Рианны и Эминема. «Деньги» Джесси Джей, «Рождена такой» Леди Гага. Мы под эти песни танцевали в моей комнате, перед тем как поехать в «Бриз» на вечеринку для тех, кому еще не исполнилось восемнадцать.

Последние слова она проговорила бегло, как бы невзначай.

Элла вдруг преобразилась: передо мной больше не стояла самоуверенная молодая женщина, подпирающая дверь ногой и скрестившая руки на груди с дерзким выражением на лице. Теперь она выглядела маленькой пятилетней блондинкой, такой, какой я ее помню, когда они с Шарлоттой играли во дворе после уроков в детстве.

– Если хочешь, можешь прийти повидать Шарлотту, – говорю я, – только если сама решишь. Я могу сделать тебе пропуск в больницу. Думаю, Шарлотте было бы приятно.

– Нет, не было бы.

Лицо Эллы снова стало хмурым, словно упала какая-то штора, все следы прежней искренности исчезли.

– Почему ты так говоришь?

– Просто ей не было бы приятно, и все.

– Это имеет какое-то отношение к Кейше? – я импровизирую, в надежде нащупать правильный путь. Элла удивляется, когда я произношу имя Кейши. – Вот почему ты так злишься?

– Не мое дело, с кем зависает Шарлотта. Пусть делает, что хочет.

– Но ты была ее лучшей подругой. Я уверена, что...

– Да не была я...

– Ты не?.. – теперь удивлена я. – Да что такое случилось?

Элла плотно смыкает челюсти, кажется, я услышу хруст зубов.

– Ничего такого.

– Нет, так не бывает. Должно было что-то произойти, чтобы...

– Я сказала, ничего такого, ясно? Просто уйдите и перестаньте меня спрашивать об этом!

– У вас тут все в порядке?

В дверях появляется Джуди, привлеченная голосом дочери.

– Элла, дорогая, с тобой все хорошо?

– Нет, – Элла корчит болезненную рожу, – Сьюзан давит на меня, а я ничего плохого не делала, мам. Я только...

– Ты давила на мою дочь? – Джуди пробует грозно нахмуриться, но недавняя инъекция ботокса полностью обездвижила ее лоб, поэтому выглядит она довольно комично при всей серьезности ситуации.

– Да нет же, – я едва сдерживаюсь от улыбки, – нет-нет, я просто интересовалась, правда ли они с Шарлоттой больше не лучшие друзья.

– И что?

– Со слов Эллы можно подумать, что ничего не произошло.

Джуди смотрит на дочь, а та как бы в подтверждение моих слов пожимает плечами.

– Если Элла сказала, что ничего не произошло, – Джуди теперь смотрит снова на меня, – значит, так и есть.

– Но так не может быть, по логике вещей, Джуди. Они с Эллой дружили, сколько я их помню...

– Ничего не произошло, Сью!!! – Элла кричит на меня. – Ты поняла? Просто мы перестали дружить, и все. – Элла бросает взгляд в сторону матери. – Не хочу больше об этом говорить.

– Ладно, дорогая, – Джуди кладет на плечо дочери идеально наманикюренную свинцово тяжелую руку. – Иди к себе в комнату и...

– Прошу вас... – в моем голосе проскальзывают умоляющие нотки. – Прошу, Джуди, я должна понять, что там произошло, тогда у меня есть шанс помочь Шарлотте. Скажи, ты знала, что они с Лиамом расстались, или...

– Ну, мам! – Элла смотрит на мать с мольбой. – Мам, мне правда пора заниматься...

– Конечно, милая, иди.

– Прошу тебя, Элла... – я успеваю схватить ее за запястье. – Помоги мне...

– Руки убрала, быстро!

Чувствую, как мне в предплечье впивается что-то очень острое, на коже появляются четыре белые полосы, это Джуди оцарапала меня своими накладными ногтями.

– Быстро, я сказала! – Джуди явно не намерена шутить.

Я в шоке и отпускаю руку Эллы.

– Мам, спасибо! – Тончайшая ухмылка пробегает по лицу Эллы, когда она исчезает в дверном проеме и спешит вверх, перескакивая через две ступеньки за раз. Джуди между тем пристально смотрит на меня.

– Прошу тебя немедленно уйти, Сью. – Джуди говорит сдержанно.

– Джуди, прости, если я перешла черту, но...

– Уходи, – она отступает в холл и начинает закрывать дверь.

Я упираюсь в дверь и не пускаю, чувствую, что этой дверью меня могут ненароком прихлопнуть.

– Джуди, нет! Подожди, послушай!

– Нет, это ты послушай! – Джуди снова распахивает дверь. – Мне очень жаль Шарлотту, правда жаль, но в том нет моей вины и вины Эллы тоже нет. Возможно, тебе стоит лучше присмотреться к своим домашним. Найти бревно в своем глазу, так сказать.

Я так и замираю на пороге с открытым ртом. И не только потому, что Джуди чуть не ударила меня дверью по лицу.

* * *

Воскресенье, 15 октября 1990

Сегодня мы с Джеймсом впервые поссорились. Он с труппой театральных актеров отправился к нам в бар, так они делают каждое воскресенье после репетиции. Джеймс занял свое излюбленное место в конце стойки. Я поздоровалась, принесла ему пинту пива, поцеловала его и пошла дальше выполнять заказы, как обычно, перешучиваясь с Мэгги и Джейком, моими коллегами-официантами, сплетничая о Кэйт (актрисе из труппы Джеймса) и злясь на Стива. Но при всем при этом я четко понимала: что-то идет не так, как всегда. Как только я взглядывала на Джеймса, он – вместо того чтобы читать сценарий – смотрел на меня, и выражение на его лице было кислым-кислым. Я ему улыбнулась и немного погримасничала. Но когда даже это не возымело никакого эффекта и Джеймс продолжил хмуриться, я подошла к нему во время небольшого перерыва между заказами, чтобы спросить, что с ним такое.

– Что со мной? Да ты в курсе.

– В курсе чего, Джеймс?

– Думаю, мне не нужно тебе объяснять, ты и так все понимаешь.

– Если бы я все понимала, наверное, не подошла бы и не спросила тебя, нет?

Джеймс пожал плечами, давая понять, что я веду себя как идиотка, – и я, вконец разозлившись, пошла обслуживать очередного клиента. Когда я обернулась посмотреть, как там Джеймс, то увидела, что он ушел. Спросила у ребят, был ли он в плохом настроении во время репетиции, но они сказали, что ничуть нет. Он был в отличной форме, практически летал по сцене!

– По-моему, тут кто-то влюбился, – хитро подмигнула мне Мэгги.

По мне, так я хотела бы, чтобы влюбилась не только я одна. Сегодня утром он был очень возбужден и настоял на том, чтобы мы переспали не один, а два раза подряд, прежде чем я встану и пойду в душ. Он даже снизошел до того, чтобы ответить на мой вопрос, когда мы проведем время не у меня, а у него дома – для разнообразия. Ответил он коротко, но оптимистично: «Скоро».

Так что же успело измениться за несколько часов?

Я с трудом дожидаясь окончания смены, мыла стаканы, вытирала столики и потом сломя голову бежала домой, чтобы позвонить Джеймсу. Восемь гудков я прослушала прежде, чем он ответил.

– Привет, – сказал он голосом, лишенным эмоций.

– Джеймс, это Сьюзи.

– Здравствуй, Сьюзан.

Он никогда меня не называл полным именем.

– Ты чего сегодня был такой ужасный в баре?

– Сама догадайся.

– О чем догадаться? – Я изо всех сил старалась не выдать голосом, что вести этот разговор очень больно. – Я не могу догадаться, поэтому и звоню тебе, помоги мне.

– Если не можешь, тогда нет смысла обсуждать это.

– Да ради бога, Джеймс! Ты не мог бы изъясняться чуть более понятно? Пожалуйста, Джеймс, скажи, почему ты был в таком плохом настроении сегодня, или я просто повешу трубку, и все.

– Вешай, давай.

– Хорошо.

Я действительно повесила трубку и потом долго на нее таращилась. Прошло пять, десять, пятнадцать минут. Когда пошла двадцать первая минута, я начала закипать и снова набрала его номер.

– Алло.

Тот же знакомый, лишенный эмоций голос на другом конце провода.

– В чем дело-то? Я что-то не так сказала? Сделала не так? С кем-то поговорила, с кем не нужно было?

Джеймс театрально вздохнул, я поняла, что попала в точку с последним предположением.

– И с кем же именно я поговорила? Если сейчас опять скажешь «сама догадайся», никогда больше с тобой не заговорю, так и знай!

– Со Стивом.

– Со Стивом?.. Стивом Маккензи?

– Верно.

– И ты расстроился потому, что я говорила со Стивом Маккензи? Это смешно! Ты что, ревнуешь?

– А кто сказал, что я ревную, Сьюзан?

– Тогда с какой стати...

– Ты с ним флиртовала! Я видел, ты специально так наклонилась, чтобы он мог получше рассмотреть твою грудь!

– Что?!

– Даже не пробуй отрицать! Все видели, и я не позволю женщине, которую люблю, делать из меня дурака, тем более – перед моими коллегами!

– Не позволишь? То есть мы с тобой в тридцатых годах прошлого века, что ли? И вообще я с ним не флиртовала, мы просто болтали. Как обычно болтаем.

– Тогда почему он сунул нос в твоё декольте?

– Это... – я выдохнула, – это просто смешно, Джеймс. Смешно. Утром мы с тобой переспали, лежали в объятиях друг друга, у нас был волшебный секс, и я тебе говорила, как я тебя люблю, а теперь ты меня обвиняешь... – я встряхнула головой. – Забудь. Если ты думаешь, что я подвергну опасности все, что мы имеем, чтобы всего лишь пофлиртовать с актером вторых ролей, тогда ты дурак, ты... – я почти заплакала. – Забудь обо всем, Джеймс.

Я бросила трубку на рычаг.

Через секунду телефон зазвонил. На девятом (на один больше, чем ждала я) гудке я ответила. Когда я не проронила ни звука, Джеймс вздохнул.

– Прости меня, Сьюзи-Сью. Я так виноват. Не знаю, что на меня нашло. Просто я устал в последнее время. У меня... трудности личного порядка... я сейчас переживаю моменты... которые с тобой не обсуждал...

– Это не причина срываться на мне.

– Знаю и прошу прощения. Ты такого отношения не заслуживаешь. Ты так прекрасно выглядела сегодня в баре! Я не могу оторвать взгляда от тебя, от твоего красного топа, – в нём твоё декольте смотрелось потрясающе, – но меня разозлило, когда я увидел, что и другие люди смотрят на тебя во все глаза. Они не имеют права пялиться на тебя, словно ты дешёвый кусок мяса...

– Так мне что, не носить топы с глубоким декольте? Ты это хочешь сказать?

– Да. Точнее, нет. Нет. Не это. Я стараюсь (но не очень получается) сказать, что мне в тот момент было очевидно, вы со Стивом флиртуете, – ты выглядела сногшибательно, твоё декольте – тоже, и я разозлился, что Стив может видеть, как ты прекрасна. Я люблю не только твой вид, но и твой внутренний мир, Сьюзи.

На это я ничего не сказала. Я все ещё пыталась осмыслить его предыдущие слова. Мне показалось, что он попытался переложить вину на Стива, так почему же мне было так не по себе? Словно я сделала что-то ужасное, специально надела этот топ и тем самым поощрила Стива так себя вести?!

– Сьюзи?

Снова ничего ему не ответила.

– Сьюзи, прошу тебя, не сердись, не надо меня ненавидеть.

– Я тебя не ненавижу, Джеймс. Просто я тебя иногда не понимаю.

– Дай я заглажу свою вину.

– Как?

– Разреши привести тебя домой. Показать, как я живу.

Глава 8

– Они же подростки, Сью, чего ты ожидала?

– Знаю-знаю.

Погружаю небольшую тряпку в миску с теплой водой, она стоит рядом с койкой, выжимаю и протираю предплечье Шарлотты. С тех пор, как я ходила к Лиаму и Элле, прошло три дня. И я все еще размышляю над финальной фразой Джуди.

– Покажи мне подростка, который по душам говорит со взрослыми, и я познакомлю тебя с самим Сатаной, – завершает свою мысль Брайан. – Вот только честно, Сью, ты бы стала раскрывать свои секреты кому-то средних лет, например, женщине, когда тебе было лет пятнадцать? Знаю, что не стала бы.

В его словах есть смысл, но я морщусь от определения «женщины средних лет». Эти слова подходят ко мне, и мне мерещится, что от них я еще больше старею. Самой себе я до сих пор кажусь эффектной двадцатиднолетней женщиной, в волосах у меня – красные пряди, я хожу на невероятно высоких каблуках, а юбки ношу такие короткие, что стараюсь шагать не очень широко при ходьбе. В голове много тараканов, но все они – на втором плане по сравнению с моим отражением в зеркале. Глядя на себя, я трезво понимаю, что никакая чудо-сыворотка не спасет меня от старения. Процесс идет.

– Не-е-ет, – я вижу, что Брайан смотрит на меня особым очень внимательным взглядом. Трясу головой. – Конечно, я бы никому не доверилась, хотя эти ребята могут открыться мне, потому что Шарлотта... – я замолкаю. По-честному, ни один из ее якобы друзей не проявил живого интереса к ней и не пожелал помочь.

Брайан пожимает плечами.

– Не пойму, почему ты так удивляешься. Дети влюбляются, потом снова влюбляются, друзей они меняют, как шмотки – стараюсь следовать моде. Подростки непостоянны в своих привязанностях, дорогая. Ты ведь в курсе?

– В курсе, но все же... – кладу тряпку в миску с водой, достаю расческу, чтобы причесать Шарлотту. – Они с Эллой дружили с начальной школы, разумеется, за это время много раз ссорились, но всегда мирились. То же самое и с Лиамом. – Веду щеткой по волосам Шарлотты, длинным темным волосам. – Она для него сделала бы все, что угодно. Она им восхищалась. И я должна сейчас поверить в то, что Шарлотта бросила Лиам только потому, что она непостоянна в пристрастиях, как ты говоришь? Бессмыслица какая-то.

Брайан переворачивает страницу (он читает газету), смотрит несколько секунд и откладывает ее в сторону. Теперь газета лежит у него на колене.

– Сью...

Я продолжаю расчесывать волосы Шарлотты, разглаживая их волны руками, чтобы они лежали красиво на плечах.

– Сью, посмотри на меня.

– Что? – я не поднимаю на мужа взгляд.

– Тебе не кажется, что ты стала немного... – он запинается, – одержимой, что ли?

– Одержимой?!

– Ну да. Одержимой тем, что случилось с Шарлоттой. Ты видишь за этим несчастным случаем какой-то заговор, а правда в том, что... – он снова запинается, – в том, что произошел несчастный СЛУЧАЙ. Ужасный, неожиданный, но это был случай. Понимаю, какой беспомощной ты себя чувствуешь. Я, между прочим, испытываю то же самое. Но если ты допросишь всех ее друзей, Шарлотту это все равно не пробудит, она просто так не выйдет из комы...

– Ты не понимаешь... – Я было начинаю говорить, но замолкаю. Я все еще не сказала ему, что она написала в дневнике. Я чуть было не сделала это пару дней назад, но он встал очень рано – часов в шесть утра. Сначала я решила, что муж пошел в туалет, но через полчаса он не вернулся, и я пошла его искать. Дома его не было, Милли – тоже. Не припомню, когда они в последний раз вместе ходили гулять, для этого мужу надо было встать на час раньше обычного...

Что-то происходит, и на свете есть только один человек, с кем я могу об этом поговорить.

* * *

Мама сидит на ее любимом месте, у окна, в кресле с жесткой спинкой. Я сама декорировала это кресло – сделала милые принты в духе Лоры Эшли несколько лет тому назад. Но мама не смотрит на меня, когда я вхожу.

– Привет, мам! – Складываю стопку полотенец на пол и присаживаюсь на краешек ее одноместной кровати. Больше сесть некуда.

Мама не узнает меня, поэтому я каждый раз пробую новую тактику в отношении нее.

– Привет, Элси, как ты сегодня?

На это имя она откликается. Лоб покрывается сетью морщин.

– Кто ты?

Сердце обрывается в груди. Она меня не узнает. У нее, правда, бывают и плохие, и хорошие дни. Сегодня, похоже, день плохой.

– Я – Сью, – говорю я. – Твоя дочь. Я купила тебе подарочек.

Протягиваю ей коробку турецких сладостей, она их очень любит. Мама берет ее заинтересованно, но молча, в глазах даже проскальзывает какое-то узнавание, когда она смотрит на упаковку и видит на ней знакомую фигурку Принцессы Востока.

– Как ты? – спрашиваю я. Хочу положить руку на ее колено, аккуратно коснуться, но боюсь напугать.

– Скука тут, – наконец говорит мама, при этом ведет пальцем по контуру фигурки Принцессы. Потом взглядывает на меня, в глазах зажигаются игривые огоньки, – но, ты знаешь, я хотя бы живая.

Единственное, чему я радуюсь, это тому, что болезнь не убила ее чувство юмора. По крайней мере, не совсем убила. В какой-то момент мне казалось, что мама пошла на поправку, тогда она жила в Йорке, а я – в Лондоне, и ей пришлось пережить сложный период в одиночку. Она с трудом понимала, где и в каком времени находится, но иногда могла будто бы ожить и вдруг понять, что с ней происходит. Я все еще помню, какой ужас звучал в ее голосе, когда она говорила по телефону. Настоящее пугало непредсказуемостью событий, в прошлом было вроде бы комфортно, но и в прошлое она поначалу не хотела полностью погружаться, потому что это было бы падением в пропасть болезни. И возврата из этой пропасти не приходилось ждать.

Сейчас – в том состоянии, в каком она находится, – маме проще. Она крепко обеими ногами стоит на земле прошлого, а в настоящее возвращается на короткие мгновения, так что едва-едва об этом помнит. Она редко меня узнает, но когда это случается – лучшей награды мне и не нужно.

– Кто ты и что только что мне сказала? – Мама смотрит на меня сквозь очки, коробку со сладостями предусмотрительно прижимает к груди.

– Я – Сью, – улыбаюсь, очень боюсь спугнуть ее, вижу страх в ее глазах. – Я твоя дочь.

– Нет, ты не она, – вспышка ярости освещает мамино лицо. – Зачем ты так себя называешь? Зачем ты так жестока со мной?

– Простите, – тут надо говорить очень быстро, пока она не успела совсем разъяриться, есть шанс ее успокоить, – я перепутала вас с моей мамой, вы очень похожи.

Тем временем мама внимательно изучает мое лицо. Ее затуманенный взгляд путешествует по траектории от непрокрашенных на затылке волос до моего подбородка, особенно долго она разглядывает нос, щеки и голубые глаза. Пытается вычислить, обманываю я ее или нет. И это пугает меня до чертиков, словно я сама еще ребенок, словно мы с ней играем в прятки и она вот-вот меня поймает... задерживаю дыхание.

– Умна твоя мама? – спрашивает она наконец. – И хороша собой, скорее всего?

И вот опять в ее глазах светится озорство. Она играет со мной.

– Моя мама умнее всех на свете, – говорю я. – Не всякий сравнится с ней. А что до ее красоты, то мама в 1952 году была Мисс Богнор Бутлинс³, она была великолепна.

Я думала польстить ей, но эффект был обратным.

– Мисс Богнор Бутлинс в 1952 году была я, – строго сказала мама.

– И вы правы, – я быстро исправляюсь. Не учла, что прошлое она помнит гораздо лучше настоящего. – А моя мама победила в 1951-м.

Она молчит. Мнет руками обертку от сладостей.

– Помочь? – Жду, когда кивнет мне, забираю целлофановую обертку и открываю коробку. Мама берет конфету и кладет в рот. От удовольствия закрывает глаза.

– Я купила тебе подарочек, – говорю я, роюсь в сумке и доставая CD. – Тут кое-какая музыка. Подумала, что она напомнит тебе о том, как ты ходила в гости на чай и там танцевала, когда была молодой.

По маминому выражению лица не поймешь, довольна она или раздражена. Глаза у нее прикрыты. Пересекаю комнату и вставляю диск в проигрыватель, этот небольшой проигрыватель я подарила ей на прошлое Рождество. Нажимаю кнопку пуска, дожидаясь, когда пойдут басы в сопровождении банджо, когда зазвучит одинокий мужской голос и мелодия заполнит собой все вокруг. Потом сажусь обратно на кровать. Короткая улыбка ложится на мамины губы, ногой она потихоньку притоптывает по бежевому ковру. Топ-топ-топ.

– У меня малышка на миллион, – подпевает она своим тоненьким, дрожащим голосом. – В пятицентовом магазине...

Тихо сижу рядом с ней, задержав дыхание, пока ее глаза не открылись и не устались в угол комнаты. Она качает головой из стороны в сторону. Волшебный момент, когда вижу ее такой счастливой, охваченной приятным воспоминанием.

Интересно, в этот момент она чувствует, как папа обнимает ее, а она кладет ему руку на плечо, и вдвоем они кружатся по танцплощадке? Тридцать лет прошло с тех пор, как папа умер, но я совершенно точно знаю, что она по нему очень скучает, до сих пор скучает. Для мамы брак и семья были главным смыслом жизни. И она посвятила нам с папой всю себя. Как-то раз она даже призналась мне, что мечтала о собственной семье с тех пор, как была совсем маленькой девочкой.

Я в этом отношении пошла в нее и, когда забеременела Шарлоттой, была на седьмом небе от счастья. Мы с Брайаном только начали жить вместе, как я сразу забеременела: однажды я ощутила покалывание в области лобковой кости и меня посетила догадка, которую тест подтвердил. Брайан был счастлив. Ему всегда хотелось подарить Оливеру маленькую сестричку. Моя беременность усилила в нем чувство ответственности, и он мне буквально не позволял пальцем пошевелить все девять месяцев. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой ценной и любимой. Мне было двадцать восемь, когда родилась Шарлотта, и нам с Брайаном так понравилось быть родителями, что мы снова попробовали зачать ребенка, но месяцы попыток превратились в годы ожидания, и ничего не происходило. Хотя

³ Bognor Butlins – пляжная местность.

врачи говорили, что все в порядке. Может, только мы уже не очень молоды. И как-то ночью мы с Брайном серьезно поговорили насчет семьи, придя к общему решению, что раз нам суждено быть семьей из четырех – только четырех – человек, то пусть так и будет. Разумеется, я хотела снова забеременеть и почувствовать, как в моем животе толкается ребенок, но этого не произошло. Три выкидыша за два года были более чем веским подтверждением неудачи.

Слишком больно каждому из нас было переживать очередную беременность, поэтому в тот день, когда Шарлотте исполнилось пять, мы взяли в дом щенка золотистого ретривера, – из массы шевелящихся желтых солнечных меховых комочков мы выбрали именно Милли. И теперь нас было пятеро.

– Здравствуй, Сьюзан.

Мама произносит мое имя так мягко, что мне кажется, будто я вижу сон, но нет. Вот она сидит рядом, бледно-голубые глаза смотрят на меня, на столике у кровати – коробка турецких сладостей, руки мама сложила на коленях. Мне хочется подпрыгнуть на месте от радости и кинуться к ней на шею. Хочу с ней долго-долго говорить, рассказать обо всем, что у нас происходит, попросить у нее совета, послушать ее, почувствовать себя маленькой и защищенной... но остаюсь, где сидела, сдерживаю порыв, все, что позволяю себе, – взять ее руку в свою. Неправильным было бы вываливать на нее все мои ожидания и страхи. И это не мне, а маме впору чувствовать себя защищенной.

– Привет, мам, – я легонько пожимаю ее руку. Рука обтянута пергаментно-тонкой кожей, покрыта старческой пигментацией. – Как ты себя сегодня чувствуешь?

– Сегодня я чувствую себя очень старой, – отвечает она, ерзая в кресле и меняя положение тела, словно проверяет, что у нее болит и что беспокоит. – Как там Шарлотта и тот рыжий бородач, с которым ты сошлась?

У мамы всегда был зуб на Брайана. Отчасти именно из-за маминого отношения я и простила ему измену.

– Брайан в порядке, – сказала я бодро, закусив турецкими сладостями, хотя и не любила сладкое. – Занят, как обычно. А Шарлотта...

Правду я сказать, как ни крути, не могу. Не хочу ее расстраивать, если мама расстроится, она снова нырнет в прошлое и поминай как звали. А что, если она вообще из прошлого потом не выйдет никогда? И последним моментом из настоящего ей запомнится именно этот эпизод – когда я расскажу ей о несчастном случае с Шарлоттой? Я себе этого никогда не прощу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.